#ЛЕДИИЗНИОТКУДА
Леди
и Некромант
ЕКАТЕРИНА ВОРОНЦОВА

Annotation

Что делать леди, если она вдруг оказалась в другом мире? Попытаться найти свое место в нем. Пусть для начала это всего-навсего место домоправительницы в странном доме на колесах. Что делать некроманту, когда за спиной его нет вереницы титулованных предков? Правильно, попытаться доказать, что талант значит ничуть не меньше родовых связей. Что делать миру, в котором гремит эхо магической войны, рождая волны нежити, а древние погосты хранят не менее древние тайны? Позвать на помощь.

Если повезет, призыв будет услышан. И некроманту хватит смекалки и силы воли, чтобы бросить вызов богам Старой Империи. А леди сумеет переступить через страхи и протянуть руку помощи тому, кто так неприятен. Если повезет…

Екатерина Воронцова
Леди и Некромант

Разработка серийного оформления *Алексея Матвеева* Иллюстрация на переплете *Ирины Кругловой*

Глава 1
Леди

А потом я полетела вниз.

Перед глазами замелькали не кадры прожитой жизни, а застекленные балконы нашей многоэтажки. Смотреть на них в последние секунды жизни было тошно.

И я закрыла глаза.

Подумалось, что нормальный человек в подобной ситуации кричал бы. Но я леди, а леди не паникуют. Они принимают объективную реальность со смирением и внутренним достоинством. И потому я сделала единственное, что могла: сложила руки на груди и мысленно попросила у бабушки прощения.

Так и падала.

И падала.

И падала… в какой-то момент мне показалось, что падение мое слишком уж затянулось. Конечно, семнадцатый этаж — это не пятый, но не настолько же. Или дело в субъективности восприятия?

…и жизнь все равно перед глазами не мелькает.

Нет, если постараться, то многое вспомнится.

Вот я в розовом воздушном платьице, в белых гольфах и белых туфельках с пряжками-бабочками стою у подъезда. Вот Васька, местный наш хулиган, не иначе как очарованный подобною красотой, швыряет в меня дохлую ворону. Вот я с воем и слезами кидаюсь за ним, а Васька убегает и хохочет. Вот бабушка моя укоризненно качает головой: леди не пристало подобное поведение.

Леди переносят тяготы со смирением.

И да, с внутренним достоинством.

И нет, они не должны кидаться камнями, даже если обижены до глубины своей распрекрасной души. Леди подумают и найдут способ донести до обидчика всю бездну своего разочарования, а заодно сделать его немного лучше.

…вот Васька с благоговейным ужасом, не иначе, разглядывает свой новенький велосипед, оклеенный розовыми цветочками. Цветы я вырезала весь вечер, извела бабушкино платье из искусственного шелка. А уж о том, чего мне стоило подобраться к велосипеду…

Почему вдруг вспомнилось именно это?

Не похороны родителей.

Не наш с бабушкой переезд. Не мой выпускной в школе. Не университет… не знакомство с Владиславом, который с первой минуты очаровал меня… не бабушкина смерть, не свадьба наша, которую я порывалась отложить, но Влад проявил настойчивость.

Мертвое мертвым.

И теперь вот я сама мертва. Или в процессе, и все-таки, субъективно там или нет, но процесс этот несколько затянулся.

…а ведь день сегодняшний так хорошо начинался. Солнечное утро, впервые за несколько недель, и солнечное же настроение. Даже привычное ворчание Влада — в последние дни он был всем недоволен — не раздражало.

Утренний кофе.

Я живо ощутила его аромат и поморщилась, вот не хватало мне предсмертных галлюцинаций. Нет, кофе был определенно хорош. А Влад…

— Встретимся вечером, дорогая, — холодные губы скользнули по щеке.

Интересно, знал ли он, что не вернется?

Нет, пожалуй, вопрос следовало сформулировать иначе. Собирался ли он возвращаться, или где-то, в какой-нибудь маленькой гостинице, из тех, которыми он в обычной жизни брезговал, Влада ждал скромный чемоданчик со всем необходимым.

С парой-тройкой паспортов.

Белыми сорочками — он предпочитал батистовые, с небольшим содержанием шелка. Несессером, подаренным мною на первую годовщину. Бельем. Что еще положено брать с собой, убегая от прошлой жизни?

А все-таки… может, я уже упала? Лежу себе на асфальте — зрелище совершенно неэстетичное, будь моя воля, я бы выбрала иной способ самоубийства. Впрочем, ни о каком самоубийстве речи не идет, хотя не сомневаюсь, что дело будет представлено именно так.

…да, день был хорош.

Мелкие бытовые хлопоты.

Косметолог. И парикмахер. Мне хотелось сделать Владу сюрприз, но следует признать, у него получилось лучше…

В дверь позвонили в четверть восьмого.

Признаться, я уже начинала волноваться. Влад никогда не опаздывал к ужину. И не забывал о датах. А сегодня было пять лет со дня нашей свадьбы. Юбилей, достойный накрахмаленной скатерти, фамильного серебра и английского фарфора, которым Влад особо гордился, хотя не сказать чтобы фарфор этот был вовсе эксклюзивен.

Впрочем, не важно.

Главное, я ждала его.

Новая стрижка.

Новое платье. Золотые серьги, подаренные им к первой годовщине. Браслет — подарок ко второй. Клатч…

Клатч был при мне. Удивительно, как это я умудрилась не выронить его? Не знаю, чудо, не иначе. Жаль, что столь бессмысленное.

В общем, дверь я открыла, ожидая увидеть Влада с обычным для него букетом роз. Вообще-то я предпочитала хризантемы, но Влад полагал их недостаточно элегантными для своей супруги. А я не возражала. Стоит ли рушить семейное счастье ради глупых мелочей? Важны ведь не цветы, важно внимание.

…и очередное украшение я бы приняла с радостью.

Искренней.

Почти искренней. Все-таки вкусы наши несколько отличались. Влад предпочитал вещи массивные и броские, изрядной стоимости.

— Добрый день, Оливия. — Макс, партнер Влада, явился без цветов.

И что куда хуже — без приглашения.

— Впрочем, уже вечер… Влад дома? — Макс отстранил меня и вошел. А за ним — еще двое. Им я представлена не была, как и они мне. И признаюсь, данное обстоятельство нисколько меня не огорчало. Вид у господ был… не самый располагающий.

— Нет.

— Какая неожиданность… надо же. — Макс заглянул в гостиную.

В столовой остановился.

Присвистнул.

— Очаровательно… как это у тебя выходит-то? — Он наклонился к свече и задул ее. — Что ни ужин, то званый… Влада, значит, ждешь?

— Да.

— Подождем вместе. Ты не возражаешь?

И, не дожидаясь приглашения, уселся на Владово место.

— А…

— Присаживайся, дорогая. Не пропадать же ужину? К слову, всегда восхищался твоими талантами. — Он поднял крышку с серебряного подноса. — Мало, и вкусно, и красиво… моя так не умеет. Она вообще ничего не умеет. Дура полная. А ты присаживайся, Ливи… не голодна, нет?

— Что происходит?

Признаюсь, в тот момент я не испугалась. Все-таки Макс всегда отличался некоторой вольностью манер. Куда больше меня расстроил соус, пролитый им на скатерть. Соус этот отстирывался плохо, а сдавать тончайшее полотно в химчистку…

…какие же глупости меня волновали!

— Что происходит… интересный вопрос, Ливи… очень интересный. — Макс крутанул вилку.

А взял для рыбы.

Рыбу я пока не ставила в духовку, ее слишком легко передержать, а холодная, она напрочь теряет вкус.

— Если вкратце, то супруг твой, скотина этакая, вздумал меня кинуть. — Макс сунул палец в соусницу и облизал. — Очаровательно… слушай, что ты туда добавляешь? Мой повар вроде тот же делает, а не так выходит…

— Шалфей.

— Шалфей? А это что за… впрочем, не важно. Я ему передам.

— Влад…

— Сволочь он. Но думалось, с мозгами… он ведь не только меня кинул. Ладно, я бы с ним по-свойски разобрался… квартиркой бы взял… или вот… ты мне всегда была симпатична.

Эта симпатия проскальзывала в пошлых шуточках. В случайных вроде бы прикосновениях, которые я терпела ради Влада. Во взглядах долгих, оценивающих.

— И ради этой симпатии я пришел сам. — Макс отложил вилку. — В отличие от моей Аленки, ты ж не дура… нет, была б дурой, все бы поверили, что ты ничего не знаешь.

— Я действительно ничего не знаю.

Он кривовато усмехнулся и щеку поскреб.

…Влад регулярно посещал салон. И маникюр делал. И педикюр. И корректировал линию бровей. И это не казалось смешным, напротив, мне импонировало его стремление к совершенству, хотя до недавнего времени он и без того казался мне совершенным. Макс вот — дело иное. Кряжистый и какой-то неуютный. Дорогие костюмы лишь подчеркивали некоторую непропорциональность фигуры. Слишком короткая шея. Галстуки с виндзорским узлом на такой не смотрятся. Слишком длинные руки… ему пошли бы рубашки с удлиненными манжетами…

Маникюр?

Вряд ли он знал, что это такое. Руки были неухоженные. С кривоватыми пальцами и пожелтевшими ногтями. Макс имел отвратительную привычку эти самые ногти грызть.

…и сейчас, засунув мизинец в рот, с наслаждением его обсасывал.

— Никогда не думала, откуда взялось это богатство? — он кивнул на стол.

Я пожала плечами.

Почему же не думала? Думала, но Влад — успешный бизнесмен. Занимается строительством. Максу ли не знать, если он совладелец фирмы.

Он сплюнул, вытер рот ладонью.

— И ты эту сказочку скушала? И не подавилась? Выходит, прав Владик, даже самая умная баба — дура еще та… нет, Ливи, фирмочка-то наша имеется, да только трепыхается она, что карась на удочке, того и гляди подохнет, да… и подохла бы, если бы не добрые люди, которые решили помочь в обмен на небольшую услугу. И Владик твой, заметь, добровольно на это дело подписался.

Макс вытащил пачку сигарет.

Курил он прямо в столовой. И от запаха дешевого табака — а Влад предпочитал сигары и пороку предавался в курительной комнате — у меня заломило виски.

— Не кривись, Ливи… я понимаю, что тебе не шибко симпатичен. Ты у нас дамочка с гонором, на кривой козе не подъедешь. Влад любит вещички с переподвыпердом. — Макс выпустил струйку дыма и провел серебряным ножом по тарелке. — Чтоб не как у всех… он же ж особенный, избранный… дерьмо собачье. И ты, Ливи, ныне в дерьме. Муженек твой деньги у людей взял. А вернуть не вернул. Большие деньги, Ливи… очень большие деньги.

Я сглотнула.

Я не была дурой. Точнее, полагала, что не была, но… если Макс говорит, что… господи, да я могла бы и сама понять… раньше могла бы… но я предпочла не лезть во Владовы дела. Еще когда мы только поженились, я пыталась интересоваться, однако всякий раз Влад меня останавливал.

Мое дело — дом.

А уж он позаботится о прочем.

И меня это устраивало. А теперь получается… получается, что через фирму отмывали деньги. Чьи? Ясное дело, не от продажи маргариток полученные. И сумма была настолько большой, что Влад не устоял перед искушением. И когда деньги поступили на счет фирмы, он не перевел их подставной, но отправил… куда?

Куда-нибудь в офшорную зону.

— Я не знаю, где он может быть.

— Вижу, дошло. — Макс вздохнул. — И знаешь, Ливи, я почти готов поверить.

— Поверь.

Ушел.

Просто ушел.

Собрался. Поцеловал меня в щеку. Пожелал хорошего дня и ушел.

— Я бы поверил, только, дорогая, дело ведь не во мне… те ребята — это представители клиента. Законные, так сказать… и им нужно убедиться…

— Я отдам все…

— Отдашь. — Макс поднялся и вытер руки салфеткой. — Конечно, отдашь, дорогая. У тебя нет иного выхода. Но этого будет мало… дело не столько в деньгах. Этого убогого найдут

рано или поздно. Дело в принципе. Ни у кого не должно и мыслишки поганой зародиться, что такой финт пройдет. А потому извини, Оливия.

…и вот я падаю.

…падаю.

…и никак не упаду.

И устав от непрекращающегося падения, я раскрыла глаза. Падение тут же прекратилось.

Глава 2
Некромант

Будущее Ричарда Годдарда предопределил он сам в возрасте вполне сознательных шести лет, когда ото всей души пожелал, чтобы издохший пес ожил. К огромной его радости, желание это взяло и исполнилось. Однако родители, типичные каро-горожане, радости этой не разделили. Вид изрядно пованивающей — лето в том году выдалось на редкость жарким — красноглазой и явно не настроенной на дружеское общение твари привел их в ужас.

А ужас заставил действовать.

Вызванный дежурный маг вторично упокоил несчастного пса. А заодно посоветовал хорошую школу-интернат, куда Ричард и вынужден был отправиться.

Мама плакала.

Но она плакала по любому поводу, и к слезам этим Ричард, как и его братья с сестрами, давно уже притерпелся. Отец был молчалив и сосредоточен. Он самолично сложил скудные пожитки Ричарда в огромный чемодан, с которым дед его отправился завоевывать столицу, и, глянув на сына с высоты изрядного своего роста — соседи злословили, что в роду Торвальда Годдарда отметились ледяные великаны, сказал:

— Мальчик мой. Я верю, мы еще будем тобой гордиться…

А матушка вновь разрыдалась.

Отец помог донести чемодан до наемного экипажа и легко закинул в багажное отделение. Поднял Ричарда. Заглянул в глаза. И, посадив на лавку, вытащил скудный кошель.

— Веди себя хорошо. Не позорь семью.

В кошеле Ричард обнаружил целое состояние — пять серебряных империалов и горсть меди. И это стало лучшим признанием в родительской любви.

Дальше было просто.

Дорога много времени не заняла. Извозчик, зная о цели поездки, был молчалив и поглядывал на Ричарда с явной опаской — потом Ричард привыкнет к этому взгляду. Лошади шли ровно. Улицы были пусты. И собственная жизнь представлялась Ричарду простой и понятной.

Он станет некромантом.

Редкий дар для семьи потомственного каро… тем лучше. Он станет известным некромантом. И отец действительно будет им гордиться. А мама плакать, но на сей раз от счастья. Братья завидовать, особенно Годфрид. Небось больше ему не драть нос, потому что он старше Ричарда на два года. Зато у него дар обыкновенный мастеровой и слишком слабый, чтобы имело смысл его развивать. Так папа сказал.

В школе Ричарда приняли.

Ему даже понравилось.

Разумом он обладал живым, и учеба давалась легко. Десять лет пролетели как один день. И на выпускном матушка, изрядно постаревшая и поседевшая, плакала от радости, как и мечталось. Отец был спокоен, но доволен — Ричард это чувствовал.

— Я перемолвился с дядей Бергусом.

Отец хлопнул Ричарда по плечу, и тот едва устоял. То ли выдохлась кровь легендарных великанов, то ли подавил ее темный магический дар, но в свои шестнадцать лет Ричард

выглядел на четырнадцать. Невысокий — сестры и те переросли его, — худощавый, он видом своим вызывал у старшего Годдарда недоумение. Будь он не столь уверен в жене, глядишь, и засомневался бы.

— Возьмет тебя в управу. Помогать станешь.

С его точки зрения, будущее Ричарда было предопределено.

Работа.

Нетяжкая должность младшего помощника, благо помимо некромантии, коя представлялась искусством темным и, что куда хуже, на редкость бесполезным, Ричард мог кое-что и в стихийной магии. Карьера, вершиной которой при должном старании — а старание в своих детях Годдард воспитывал, не жалея ремня, — станет должность мага при третьей городской управе.

Женитьба.

Торвальд и невесту присмотрел, хорошую девушку из семьи с обширными связями, которые во многом должны были облегчить карьерный путь сына…

И все это, просто и безыскусно, он изложил Ричарду, рассчитывая если не на благодарность, то хотя бы на понимание. Но средний сын нахмурился, дернул узеньким плечиком, выворачиваясь из-под отцовской крепкой руки, и сказал:

— Извини, папа, но у меня другие планы.

— Чего?!

Вопрос этот вызвал у матушки новый поток слез и стенаний — причем непонятно было, за кого она переживает, за мужа ли с его слабым сердцем, за неблагодарного отпрыска или за гортензии, которым накануне досталось от соседской собаки.

— Я не собираюсь тратить свой талант на переписывание отчетов.

— Чего? — чуть тише — все же выносить семейную ссору в люди было не лучшей идеей — спросил Торвальд.

— Я отправляюсь в столицу. Поступлю в Академию и…

— Денег нет.

— Папа! Пойми, пожалуйста, то, что ты предлагаешь, хорошо для Года… или вот для Крони, но не для меня… я же сдохну от тоски…

Торвальд нахмурился.

По его глубочайшему убеждению всякая тоска неплохо лечилась тяжкою работой.

— Некроманты всегда неплохо зарабатывают, — Ричард чувствовал, что высокие идеи предназначения и необходимости личностного роста далеки от отцовского сознания, а потому прибегнул к аргументу простому и понятному.

И Торвальд призадумался.

Оно, конечно, верно. Некромантам, которые при дипломе, платят изрядно. Вон, дома-то у них хорошие, в Белом квартале ставлены, но… это ж сколько учиться?

— Пять лет, — ответил Ричард. — И два года полевой практики, чтобы получить полный допуск.

— Семь лет.

Семь лет жизни, потраченных впустую. И более того, проплаченных из семейного бюджета, на котором и без того лежали неподъемным грузом приданое троим дочерям, расширение семейного дела, ремонт крыши и тысяча ежедневных обязательных трат…

— Нет.

— Отец! — Ричард не собирался вот просто так отказываться от мечты.

— Нет, — Торвальд покачал головой. — Работать пойдешь. Хватит на шее сидеть…

— Я…

— Хватит! — На этот окрик обернулись и вороны, обретавшие при городской школе. А заодно уж и выпускники, и родители их, и учителя.

Матушка тоненько всхлипнула. Сестры хором вздохнули — ссор они не любили. А старший братец сочувственно похлопал Ричарда по плечу:

— Привыкнешь.

Привыкать к семейной жизни вновь Ричарду не хотелось. Признаться, его всегда несколько тяготила многочисленная и шумная родня, которая не ограничивалась братьями и сестрами, но включала еще двоих дядьев с женами и бесчисленное количество кузенов и кузин. В школе-интернате было не в пример тише.

Спокойней.

И Ричард вдруг явственно осознал, что если уступит, то до конца долгой своей жизни — а маги живут куда дольше обыкновенных людей — не видать ему покоя. И закрыв глаза — приступ отчаянной смелости требовал немалой силы духа — сказал:

— Я все равно поеду в столицу.

Ответ отца был прост, понятен и нецензурен.

Однако в столицу Ричард поехал. С тем же чемоданом, который верой и правдой служил не одному поколению Годдардов, и пустым кошельком. Последнее обстоятельство, по мнению Торвальда Годдарда, так и не смирившегося с этаким откровенным проявлением сыновней непочтительности, должно было отрезвить отпрыска и вернуть его, раскаявшегося, в отчий дом.

Торвальд был упрям.

Правда, не учел он, что качество это унаследовал и Ричард.

В столице ему пришлось туго. Провинциал с большими амбициями, но без денег? Этим никого не удивишь. Нет, в Академию магии Ричард поступил — все же даром Боги наделили немалым, а к нему приложились отличные отметки и рекомендательное письмо директора школы, некогда имевшего честь в Академии обучаться. Однако будущее оказалось вовсе не столь радужным, как представлялось сие Ричарду.

Пустой кошелек не спешил наполняться.

Подработка, на которую Ричард серьезно рассчитывал — все же школа давала право на использование магических сил четвертого и даже третьего уровня, — не находилась. В столице и без него хватало магов-недоучек, что порождало жесткую конкуренцию. И единственное, что ему удалось найти, — место смотрителя при полупарализованном старике, чей дурной нрав и привычка сквернословить отпугнули профессиональных целительниц и трех родных дочерей.

Старик обретался в маленькой душной квартирке, где пришлось поселиться и Ричарду.

Того, что платили за присмотр, худо-бедно хватало на еду и необходимые мелочи, а вот одежду приходилось искать в лавках старьевщика. Благо их в квартале Гончаров хватало.

Пожалуй, будь Ричард менее упрям, он бы вернулся.

Порой он даже мечтал о возвращении, живо представляя себе радость матери и скупую похвалу отца — не всяк способен признать свои ошибки, но мечты оставались мечтами.

Он учился.

Он вгрызался в пресловутый гранит науки, поскольку именно в ней находил отдушину. За манускриптами забывался и голод, и зловредный старик, полночи оравший матерные

песни. На практикумах, сотворяя из костей и плоти нечто живое, Ричард чувствовал себя всемогущим, а не нищим оборванцем, на которого в Белом городе поглядывали с немалым подозрением. И в письмах домой, регулярных, пусть и стоило отправление целых три медяка, он писал исключительно об учебе.

Восторженно.

Так, чтобы понял отец — сын был прав в своем выборе.

Об Академии, сотворенной в белом мраморе. Об однокурсниках, которые Ричарда любили и, несомненно, помогали во всем. Последнее, конечно, было ложью. С однокурсниками отношения не заладились с первого дня. Кто он? Потомственный каро, прибывший из какого-то городка, о существовании которого большинство жителей Кристанена и не подозревали. И как смел он, провинциальный зазнайка, подумать, что в силе и таланте равняется почтенным лойро, чья кровь благословлена Богами?

На Ричарда смотрели сначала с недоумением.

Потом с удивлением — как вышло так, что он, никчемный, сумел перебраться через рубеж первой сессии, на котором отсеялась треть группы. И в числе ушедших были господа куда как достойные. К примеру, единственный сын лойро Ивельссона, императорского казначея. Или вот младший отпрыск двоюродного брата Императора?

Учителя были беспристрастны.

Неподкупны.

Так казалось Ричарду, и не ему одному.

И он, чувствуя растущую к себе ненависть, лишь крепче стискивал зубы.

Не дождетесь!

Вторая сессия прошла легко. На третьей он получил алую ленту лучшего ученика группы и, что куда приятней, двадцать золотых монет премии. Это позволило ему покинуть опостылевшего паралитика, норов которого ухудшался день ото дня, а здоровье оставалось богатырским, и снять комнатушку у тихой вдовы. К комнатушке, точнее закутку за ширмой, прилагались ужины и завтраки, что было уже роскошью. Остаток денег Ричард придержал, здраво рассудив, что такая удача часто не случается.

Но ему удалось повторить подвиг и на четвертой сессии…

К пятой он подходил куда спокойней, а после нее сам собой отыскался способ дополнительного заработка. Ричард без тени сомнений взялся за работы для тех, кому учиться, собственно говоря, было лень, а родительское состояние позволяло этой лени потакать.

Брался он не только за профильные предметы, здраво рассудив, что принцип составления рефератов везде един, а потому к выпускному курсу изрядно расширил свой кругозор и даже успел углубленно изучить некоторые, весьма специфические, ответвления магической науки, как, к примеру, рунопись и оркский шаманизм. Впрочем, ум его и знания лишь усугубили пропасть между Ричардом и однокурсниками, которых этакая кладезь талантов у того, кто этими талантами обладать не должен был в силу низкого происхождения, вовсе не радовала.

Не единожды Ричарда пытались поучить уму, однако, невзирая на урожденную тщедушность, он был крепким, вертким и неожиданно сильным, а еще не стеснялся использовать приемы дворовых драк, в коих не было присущего дуэлям изящества.

К пятому курсу Ричарда, к огромному его облегчению, оставили в покое.

Он даже понадеялся, что жизнь его все-таки налаживается… зря. Не сумев

самостоятельно избавиться от противника, самим своим существованием низводившего великое искусство некромантии до понятного разуму ремесленника предмета, однокурсники не постеснялись обратиться за помощью. И отнюдь не к боевикам. Те, будучи в большинстве своем происхождения обыкновенного, аристократов недолюбливали, а Ричарду сочувствовали, проявляя свое сочувствие живо, ежедневными тренировками, которые он поначалу ненавидел всей душой, но позже осознал их полезность. Нет, некроманты воззвали к прекрасным дамам с факультета изящных магических искусств. Конечно, кто еще поймет лойро, как не лайра, в чьих жилах течет та же голубая кровь, а вереница предков не короче твоей.

Мог ли простой каро устоять перед благородной Орисс дель Виро, единственной и горячо любимой дочерью градоправителя, столь прекрасной, что само существование ее казалось чудом? И Ричард, впрочем, как и вся мужская часть Академии, от старика-подгорца, служившего привратником, до почтенных лет декана, любовался этим чудом.

Издали.

Ибо чудо охранялось весьма тщательно, и не только чарами, но и крючконосою орчанкой, следовавшей за подопечной неотступно. Чудо к орчанке, как и к учебе, относилось с одинаковым безразличием. По-настоящему Орисс дель Виро заботило лишь собственное будущее, в частности грядущее замужество. С кем?

С кем-нибудь достойным.

К примеру, с Императором, который так удачно овдовел.

История умалчивает о том, чего стоило уговорить Орисс на авантюру. Но достаточно было нескольких слов, произнесенных нежным голосом, пары-тройки взглядов.

Вздохов.

И одного признания, что сердце ее давно и прочно занято… кем? Ричардом. Здравый смысл, конечно, подсказывал, что не бывает сказок, в которых бы лайра, жертвуя титулом и привилегиями, выходила бы замуж за простого некроманта, пусть и с неплохими перспективами. Но в кои-то веки Ричард к здравому смыслу отнесся без должного внимания. За что и поплатился. Роман тайный — а как иначе, если орчанка не дремлет? — протекал бурно. И закончился приглашением в некий храм на окраине, жрец которого за малую мзду готов был произвести обряд, не требуя обязательного — прекрасной Орисс не исполнилось еще и двадцати — благословения родителей.

Обряд состоялся.

Невеста была молчалива, а лицо ее скрывал плотный полог, что соответствовало традиции, хотя и несколько насторожило Ричарда. Но счастье было так близко… и когда жрец разрешил полог откинуть — судьбы были соединены волей Богов, о чем и состоялась запись в Книге — Ричард воспользовался своим правом мужа…

…закаленные некромантией нервы не позволили заорать от ужаса.

И в обморок он не грохнулся, хотя желание было… и не стал устраивать скандал, здраво рассудив, что толку от этого не будет. Нет. Ричард поклонился своей жене — седовласой даме столь почтенных лет, что, верно, постарайся, она бы и Первую Магическую припомнила. Та ответила безумною улыбкой…

…у храма Ричарда встретили однокурсники, сгорающие от желания поздравить. И прекрасная Орисс лично поднесла сервиз из белого фарфора, а с ним — пожелания долгих счастливых лет супружества…

Этого он не забыл.

Нет, супруга, оказавшаяся лайрой, чьей-то вдовой троюродной теткой, прочно пребывающей в маразме, была тиха и незлобива. И прожила, на счастье Ричарда, недолго, оставив ему в наследство полторы дюжины кошек и сундук с пожелтевшим кружевом. Но сама эта выходка раз и навсегда убедила его в том, что никогда-то он, Ричард, что бы ни сотворил, не станет равным им, благородным.

Плевать.

Академию он окончил с отличием, но права произнести прощальную речь был лишен. А с ним — и права выбрать место работы. Как-то сразу стало очевидно, что в столице провинциальные некроманты, пусть и особой императорской грамотой жалованные, не слишком нужны. Бывшие однокурсники, впервые искренне пожелав Ричарду удачи — некроманту она пригодится, заняли свои места, кто ушел на императорскую службу, кто — в семейный бизнес, главное, что путь их был прост и понятен.

А вот что делать Ричарду?

Поступить на службу Императору? Его бы взяли, скажем, помощником штатного некроманта, коим стал не самый одаренный из сокурсников. И даже мысль о том, чтобы подчиняться человеку, которого Ричард в глубине души презирал, как и прочую «белую кость», ему претила.

Уехать в родной город?

И признать, пусть через пять лет, что Ричард был не прав? Нет, этого не позволяла уже гор- дость.

Семейного дела, во всяком случае такого, где был бы применим дар некромантии — вряд ли все его высшее образование вкупе с золотым дипломом пригодились бы на стройке, — у него не имелось. Да что там дела, у Ричарда не было даже такой малости, как семейный склеп с вереницей предков, готовых поделиться с благородным потомком силой. Единственной неупокоенной душой, в существование которой отец соглашался поверить, была пратетушка Брунхильд, при жизни отличавшаяся на редкость склочным нравом, и потому, назло невестке и всей прочей родне ждавшей тетушкиной смерти с плохо скрываемым нетерпением, она восстала. Увы, единственное, чем могла поделиться пратетушка, — это последние сплетни, которые она собирала с неустанным рвением…

Не было и дома, куда Ричард наведался, дабы продемонстрировать отцу, братьям и прочим родственникам, число которых возросло вдвое, свой диплом. Вид его, впрочем, отца не вдохновил.

— И чего делать станешь? — поинтересовался он, протянув матушке очередной платок.

— Работать пойду… свободным некромантом.

Решение было не то чтобы совсем уж спонтанным, скорее единственно возможным, поскольку аккурат перед отъездом профессор Горвиц, на чье покровительство Ричард всерьез рассчитывал, бледнея и заикаясь, произнес длинную речь: аспирантура — еще одна надежда — невозможна, во всяком случае, та, которая за государственный счет, поскольку единственное место отдано.

И кому?

Естественно, лойру Фицхарду, весьма талантливому юноше, за которого лично просил Император. А Императору, как известно, не отказывают. Конечно, и Ричарду будут рады в Академии, ибо стремление его к знаниям более чем похвально, но… остаться у него вряд ли выйдет.

Со всем уважением.

Уважение это Ричард, вспылив — все же до последнего надеялся, что его ум, талант и сила что-то да значат, посоветовал засунуть в место, где уже пребывали его несбывшиеся мечты и первая любовь. Прозвучало это не совсем цензурно, увы…

— Бродягою, значит. — Отец хмыкнул и крутанул поседевший ус. — Остепенился б ты, бестолочь.

Нет, в чем-то он сына понимал и даже уважал за упорство — добился же своего, паскудник, — но всему предел быть должен! И ладно, побездельничал он пять лет в своей Академии, так пора и поработать. С дипломом императорским его, быть может, в Управу примут. Если не старшим, то хотя бы штатным некромантом. А там, со временем, при должном упорстве, коего Ричарду было не занимать, и до старшего дорастет. В остальном отцовские планы за пять лет не изменились.

— Мне нужно собрать материал для диссертации. — Ричард заложил руки за спину и плечи расправил, стараясь выглядеть солидней, однако на фоне братьев, что родных, что двоюродных, он терялся. — А здесь это вряд ли возможно. Кроме того, в нашем городе хватает некромантов… высокая конкуренция… ввиду последних тенденций к уменьшению плотности нежити из расчета на душу населения…

В глазах старшего братца мелькнула тоска. Он-то никогда не отличался хорошо подвешенным языком, а тут…

— А и вправду, некромантов развелось, упырям не продохнуть… — сказал двоюродный братец, почесывая живот.

— Именно! Это из-за нецелесообразного распределения ресурсов. Все стремятся в города, тогда как подавляющее число сельских жителей…

— На деревню, стало быть, поедешь? — Отец не собирался отговаривать Ричарда. Во-первых, понимал, что сие бесполезно, во-вторых, если уж хочет, пусть едет. Вон, собственная Торвальда тетушка сорок лет тому уехала на деревню и была весьма счастлива на собственной ферме.

Свинок растила.

Коровок держала. И при случае радовала Торвальда и племянников свежим маслицем и солонинкой. Быть может, и вправду этому неугомонному на свежем воздухе лучше будет? Упыри упырями — дело-то житейское, но, глядишь, встретит какую селянку, осядет.

Остепенится.

И Ричард, к немалому своему удивлению, получил помимо матушкиных слез отцовское благословение, пару дружеских подзатыльников от старшего и младших братьев, со старшим ростом сравнявшихся, а заодно и долю от семейного дела — сто сорок пять золотых. Этого, вкупе с тем капиталом, который удалось собрать на рефератах, хватило не только на новые сапоги из кожи виверны и горный плащ, но и на сумку с минимальным необходимым инвентарем, включая ритуальный кинжал. Кое-что Ричард и сам добыл, благо императорский диплом позволял ему реквизировать бродяг и висельников на нужды науки… в общем, к новой жизни он был готов.

Нельзя сказать, что жизнь эту он полюбил всей душой и всецело смирился со своим положением, скорее уж принял его как временное обстоятельство. Честолюбивые мечты никуда не делись и со временем преобразовались в не менее честолюбивый план, реализовывать который Ричарду предстояло в гордом одиночестве, поскольку в Гильдии некромантов Ричарда, мягко говоря, не поняли.

Что ж… он готов был обойтись и без помощи Гильдии.

Он справится сам.

Глава 3
Леди и новый мир

Я лежала.

Вот просто лежала. Над головой разлилось небо, ярко-синее, но какого-то неправильного оттенка, не в берлинскую лазурь, а с прозеленцей, для обыкновенного неба вовсе не характерной.

Под руками было что-то мягкое.

Трава?

Откуда трава?

Я повернула голову набок, убеждаясь, что осязание меня не обмануло. Трава. Обыкновенная. С пушистыми метелочками мятлика, с сизоватыми тонкими стеблями овсяницы, с незабудками хрупкими, что выглядывали из травяных косм.

И вьюнок есть.

И… кажется, люцерна.

Я моргнула. И на всякий случай ущипнула себя за руку. Было больно, а значит, я не спала. Хотя, конечно, заснуть на пороге смерти было бы несколько… чересчур?

А может, я все-таки умерла?

И попала… куда?

В рай?

Я села.

Огляделась.

Поле, вернее, луг. Обыкновенный. Разнотравный. Вдали виднелась сизоватая полоса леса, справа же — дорога. Проселочная. Широкая. На рай не похоже. Конечно, я не могла считаться специалистом по раю, но вот как-то представлялось мне это место несколько иным.

Ад?

Нет, солнце припекало нещадно, над лугом парило, но не по-адски… точнее, от ада в классическом его варианте ждешь котлов, чертей и грешников, а тут… не то чтобы я жаловалась, но хотелось бы ясности.

Я встала.

Пошевелила руками, убеждаясь, что оные шевелятся. Ноги держат. Голова… на месте. Прическа, правда, растрепалась, о том, что стало с макияжем, лучше вообще не думать.

И туфли потерялись…

…но я была жива. И это было странно. Впрочем, не менее странно, чем зеленоватое небо, солнце с оранжевым отливом. Или правильнее сказать «солнца»? Второе, бледно-розовое, величиною с крупное яблоко, пряталось в тени старшего светила. И следовало признать, что само его наличие окончательно убедило меня, что место, чем бы оно ни было, не являлось моей родной пла- нетой.

Как ни странно, но факт этот я восприняла спокойно.

Поправила юбки.

Сняла чулки — на лугу они слабая защита, а испортиться могут. Проверила клатч, хотя и без того прекрасно знала его содержание. Помада тона «пыльная роза». Пудра. Водостойкая

тушь для ресниц. Визитница. И банковская карта, подозреваю, совершенно бесполезная. Зеркальце.

Бабушкин револьвер.

Я с нежностью погладила рукоять. Ума не приложу, как он очутился в клатче, все-таки не было у меня привычки являться на семейный ужин с револьвером, но поди ж ты… что ж, с револьвером я чувствовала себя много спокойней.

И, оглядевшись, я решительно зашагала по направлению к дороге. Если дорога существует, то она куда-нибудь да ведет. И надеюсь, в этом чудесном месте я сумею понять, что же, собственно говоря, со мной произошло.

А если нет, то хотя бы что мне дальше делать.

Шла я долго, но не то чтобы быстро. Во-первых, сказывалось отсутствие опыта подобных прогулок. Дорога, пусть и гладкая, что было удивительным, все же не паркет. То острый камень в пятку вопьется, то муравей… лучше уж камень. Во-вторых, я в принципе слабо представляла, куда иду, а потому не торопилась.

Мир…

О теории множественных вселенных я слышала. И о теории струн. И о многих других интересных теориях. Но слышать — одно, а испытать оную теорию на практике — совсем другое дело. И если это и вправду иной мир, а не предсмертный бред — ведь могло же статься, что умерла я не сразу, хотя и падала с семнадцатого этажа, — то мне придется к нему приспосабливаться.

Вот только получится ли?

Кто я?

Женщина из ниоткуда. Это хуже, чем за границей остаться без паспорта и денег, там хотя бы призрачная надежда на помощь посольства имеется, а здесь… здесь я сама по себе.

Страшно?

Не страшней, чем падать с крыши. Он ведь позволил оценить высоту, старый приятель Макс. Он даже любезно рассказал о том, что был бы рад отступить, но не имеет права.

За ним смотрят.

И если не я, то он шагнет с балкона… и это, в принципе, смерть быстрая, относительно безболезненная. Семнадцать этажей. Асфальт… душа вылетит из тела моментально. Да, тогда мне было страшно. Настолько страшно, что я готова была умолять о пощаде.

Макс ведь этого ждал.

И я остро осознавала, что мольбы мои ему будут приятны. Что он даже отзовется на них, почему бы и нет? Он всегда хотел меня и… и если бы постель могла подарить мне жизнь, я бы смирилась.

Уступила.

Но правда была в том, что, получив свое, Макс все одно убил бы меня. А если так, то к чему лишние мучения? И я сама встала на табуретку, любезно поднесенную его молчаливым сообщником, в глазах которого мелькнуло что-то такое… пожалуй, это можно было интерпретировать как уважение.

— Все же Влад козел, — сказал Макс с раздражением. А затем столкнул меня вниз…

…интересно, там, дома, мое бренное тело уже увезли? И вообще, если оно было там, то что у меня здесь? Я ведь материальна. Я сорвала травинку, чтобы убедиться в этом, потом камень подняла, а потом мелкие камни, попадаясь под ноги, раз за разом избавляли меня от

сомнений.

Привидения не сбивают ноги в кровь.

Ничего, вот доберусь до людей и… и придумаю, как быть дальше. Пусть у меня нет денег, зато имеется золотой браслет — теперь я была рада любви супруга к массивным вещам, серьги с камнями и револьвер в качестве последнего аргумента.

А то ведь леди всяк обидеть норовит.

Я подходила к лесу, когда сзади донеслось глухое ворчание.

Я оглянулась.

Предчувствия у меня были самые недобрые. Все-таки кто знает, что водится в мире ином? Я вытащила револьвер, отдавая себе, впрочем, отчет, что делаю это скорее ради самоуспокоения. Против крупного зверя — а подобное урчание могла б издать тварь весьма и весьма немалых размеров — мой револьвер бесполезен.

И что делать?

Бежать?

Забраться на дерево? Но я не умею лазить по деревьям! Бабушка категорически не одобряла подобных забав. Спрятаться? Придорожные кусты показались мне достаточно густыми.

Рокот нарастал.

И было в нем что-то такое… механическое? На дороге показались клубы пыли, и я вздохнула с немалым облегчением. Все же не животное — автомобиль. Нет, можно было бы и от него скрыться, но… зачем? Встреча с местными жителями была неизбежна. Так пусть же встречусь я с одним-двумя, которым, сугубо теоретически, могу противостоять, нежели сразу с толпой.

И я убрала револьвер в клатч.

Кое-как пригладила волосы. Расправила платье, которое не только измялось, но и пропотело, покрылось пылью.

Меж тем на дороге возник клуб пыли весьма характерного вида. Он разрастался, превращаясь из облака в желтую песчаную тучу. И в глубине ее что-то посверкивало, громыхало и ухало. С глухим карканьем поднялось воронье, заметались в кустах, которые так и не стали моим убежищем, мелкие пичуги. Рыжая белка стрелой взлетела по стволу…

…то, что ехало по дороге, было машиной.

То есть механизмом.

Но вот вид этого механизма вверг меня в ступор. На что это походило? На противоестественный гибрид трактора, танка и поезда, впрочем, не лишенный некой внутренней гармонии.

Из вытянутого, словно приплюснутого, капота торчал десяток патрубков разной высоты и толщины. Из одних сочился белый дым, из других — красный, а труба с крышечкой время от времени извергала черное облачко копоти. Над нею этаким вороньим гнездом высилась кабина управления, притененная колесом зонта. Нос странной конструкции прикрывала массивная решетка, ощетинившаяся двумя дюжинами шипов.

Я ущипнула себя за руку.

Может, солнцем в голову напекло? Говорила мне бабушка, что не стоит выходить на улицу с непокрытой головой…

Машина не исчезла.

Она приблизилась, и теперь я могла разглядеть и узорчатые колеса, которые

проворачивались с явным трудом, и длинное змеиное тело вагона, привязанного к тягачу. И даже черный флаг, вяло трепыхавшийся на ветру.

Со знамени мило улыбался череп с парой перекрещенных костей.

Пираты?

Сухопутные? Нет, звучит безумно, но не менее безумно, нежели само это сооружение. С пиратами встречаться не хотелось, но… может, я что-то неверно истолковала?

Итак, бежать или остаться?

Пока я думала, черная труба выдохнула очередной клубок копоти, который слабым ветерком размазало по дороге. Я закашлялась и приняла решение, пусть рискованное и даже безумное, как этот мир, но… сколько за хвост ни тяни, а до кота рано или поздно доберешься.

И я подняла руку.

Так и стояла, что, признаюсь, далось непросто. Чем ближе подбиралась машина, тем сильней мне хотелось бежать. И дело даже не в чудовищности этого порождения чьей-то безумной фантазии, не в грохоте, издаваемом им, не в вони, от которой у меня слезы на глаза навернулись, — пахло горелым пластиком, бензином и еще отчего-то тухлятиной, но в иррациональном страхе перед тем, кто находился внутри.

А если в этом мире людей нет?

Кто есть? Кто-то есть, но с чего я решила, что этот кто-то обязательно человеческой расы? А если и человеческой, то ко мне он отнесется дружелюбно и…

И, оглушительно взревев, автомобиль выплюнул особенно густое облако дыма, сам же им закашлялся и остановился шагах этак в десяти. О да, теперь я могла увидеть не только решетку, но и мелкий узор, ее покрывающий, не то вязь, не то клинопись.

И потемневшую бахрому на зонте.

И подкопченное стекло кабины.

И смутно, но очертания пилота — водителем того, кто управлялся с этою громадой, назвать язык не поворачивался.

— Добрый день! — проорала я, надеясь, что получилось хоть сколько бы дружелюбно. Меж тем дверь открылась, почему-то вверх, и из капсулы выкатилась железная лесенка.

Она достигла горбатого мостика над последним из четырех колес, следовало сказать, что серебристый — или серебряный? — обод этого колеса возвышался надо мной. И я имела чудесную возможность разглядеть сложный узор, его покрывающий.

Все та же клинопись?

Меж тем пилот спускался.

Быстро. Ловко. И сразу становилось очевидно, что лазить ему приходилось частенько. Лесенка подрагивала, машина утробно урчала и дышала жаром. Я ждала.

— Добрый день, — повторила я, когда обутая в блестящий хромовый сапог нога коснулась-таки земли.

Пилот развернулся.

И я… нет, я думала про то, что в мире ином могут обретаться вовсе даже не люди, но думала вновь же исключительно абстрактно. Однако стоящая передо мной абстракция обрела плоть.

Пилот человеком не был.

Эльф?

Именно такими я эльфов и представляла.

Высокий и тонкий, неизъяснимо хрупкий. И вместе с тем я отдавала себе отчет, что хрупкость его — кажущаяся.

Узкое лицо с чертами изящными. Синие глаза. Белые волосы, заплетенные в косу. Ромашка над острым ухом. И ухо это дергалось, словно эльф пытался отогнать назойливую муху.

Наряд его тоже был удивителен. Точнее, эльфы мне представлялись существами воздушными и носить должны были воздушные же хламиды. На этом же конкретном красовались изрядно замызганные штаны, чем-то напоминающие наши джинсы. Пара подтяжек. Хромовые сапоги. И серый котелок, столь же уместный, как и ножны с гаечным ключом.

— Добрый день, — вежливо произнес эльф низким грудным голосом. И я отмерла:

— Д-добрый.

Он же поклонился, и поклон этот был преисполнен изящества. Прижав руку к груди, эльф продолжил:

— Бесконечно рад встретить прекрасную лайру…

Это он обо мне?

Нет, я считала себя если не красавицей, то всяко интересной женщиной, но вот именно в данный конкретный момент прекрасно отдавала отчет, что выгляжу по меньшей мере жалко. Покрасневшая. Пропотевшая. Покрытая толстым слоем пыли… и не только пыли. Машина чихнула и выплюнула черный ком гари.

— И я рада…

— Позвольте представиться, Тихонориэль из рода Серебряного Листа, младшая ветвь…

— Оливия…

Я замялась, стоит ли произносить свою фамилию, и если да, то какую? По мужу я была Красноперко, но после всего, что он сделал, не хотелось и дальше оставаться мужней женой. Я призадумалась ненадолго: можно ли подставу и убийство считать уважительной причиной для развода? А потом решилась:

— Оливия Олеговна Майлова.

По семейной легенде бабушка моя, Оливия Браун, в честь которой меня и назвали, была подданной Великобритании, где и прожила первую половину жизни в тиши и благости семейного поместья, пока не встретила там моего деда, Джона О’Майли.

Был он молод. Хорош собой.

И полон всяких революционных идей, которые нашли в молодом сердце Оливии пылкий отклик. Случился роман, закончившийся побегом и свадьбой — Джон оказался честен хотя бы в этом. Затем состоялась небольшая война с империализмом в лице английских захватчиков свободной ирландской земли, увы, не сказать чтобы победоносная, и очередной побег, уже в Советский Союз. Там О’Майли властным росчерком пера превратился в Майлова, а жизнь моей бабушки переменилась. О деде, следует заметить, рассказывала она неохотно и со скрытым сожалением.

Сожалела ли она об ошибках юности?

О недолгом счастье?

Не знаю. До вранья она не опускалась, а правда была неприглядна. И отец как-то, под настроение, рассказал, что в стране победившего коммунизма ярые борцы были не особо-то нужны. Джона встретили. Поселили в Минске, устроили на завод токарем, бабушка получила место в библиотеке. От партийных щедрот им досталась однокомнатная квартира в

новостройке. И все бы хорошо, но… мятежная душа требовала борьбы.

Или развлечений.

И дабы не ухнуть с головой в болото мещанской жизни, Джон стал проводить время в компании новых товарищей по партии. И отнюдь не за разговорами. Пил он и прежде, утверждая, что знает свою меру, и бабка предпочитала закрывать глаза на сей малый недостаток. В России же недостаток упал на благодатную почву, и даже появление моего отца, нареченного Олегом, ничего не изменило. Мой дед умер задолго до моего появления на свет, и, как водится, бабка четырежды в год появлялась на его могиле. Меня тоже брала с собой, утверждая, будто могилы предков суть корни семейного древа…

Как бы там ни было, но здесь я лучше буду Оливией Майловой, нежели Красноперко.

— Лайра Оливия, — обратился ко мне эльф с очередным поклоном и столь глубоким, что кончик косы его скользнул по сапогам, а серый котелок съехал на левое ухо. — Могу ли я поинтересоваться, что делаете вы в столь… сумрачный час в этом лесу?

— В подлеске, — на всякий случай уточнила я.

А время и вправду близилось к вечеру. Я и не заметила, что оно потянулось к земле, наливаясь темным багрянцем. Небо позеленело больше обычного, что, надо полагать, знаменовало близость сумерек.

— Гуляю, — наступил момент правды.

Нет, может статься, местные дамы имеют похвальную привычку совершать моционы по сельским дорогам и делают сие исключительно босиком, но подозреваю, не все так просто.

— Гуляете? — переспросил эльф недоверчиво.

— Да… вышла… пройтись… и вот немного… — я вздохнула.

Никогда не умела врать.

Бабушка моя, которая, собственно говоря, и занималась воспитанием — родителям, увлеченным друг другом и геологией, было некогда, прочно вбила в упрямую мою голову постулат о недопустимости лжи.

— Я заблудилась, — сказала я чистую, между прочим, правду.

Правда, не стала уточнять, что в другом мире.

Но и в этом, думаю, леди может сбиться с пути?

— Сочувствую.

— Не могли бы вы сказать, — я поскребла зудящей пяткой о камень, — где я нахожусь?

— Каренейский тракт, — любезно ответил эльф.

— И куда он… ведет?

— К Каренеям.

Логично, если подумать. Еще бы понять, что такое эти их Каренеи.

— И далеко еще…

— Полторы сотни миль, полагаю…

Зараза ушастая! Говорит и улыбается. Любезненько так. Всем видом своим демонстрируя, что премного счастлив ответить на мои вопросы. Полторы сотни миль… это много. Подозреваю, это очень много… подозреваю, это непреодолимо для одной конкретной особы, которая через десяток миль ляжет и тихо доумрет на обочине, раз уж сразу упокоиться не решилась.

И, наверное, мое отчаяние было столь явным, что эльф протянул руку:

— Но мы будем рады доставить вас…

— В Каренеи? — жалобно поинтересовалась я, не представляя, что мне в этих Каренеях

делать.

— Куда скажете. Через миль двадцать будет Ормс, маленький городок, но в нем есть почтовик, да и городская управа, в которой вам помогут. Если хотите…

Я хотела.

И пусть вид механического монстра внушал определенные подозрения, но лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Глава 4
Леди и новые знакомства

Получасом позже я, умывшаяся — к моему удивлению в прицепном вагончике наличествовал водопровод и даже ванна имелась, мраморная, на золоченых львиных лапах поставленная, — сидела за столом.

По правую мою руку устроился Тихон, который ради внеурочного чаепития соизволил отереть копоть и надеть свежую рубаху. Как свежую… относительно предыдущей, скомканной и отправленной им в ящик с грязным бельем, вполне себе свежую. Но вот на рукавах ее виднелись жирные пятна. Воротничок торчал как щенячьи уши, а пара пуговиц исчезла. Притом рубаха была клетчатой, из какой-то плотной и по виду теплой ткани.

— Прошу извинить мой внешний вид, прекрасная лайра. — Тихон спешно закатал рукава. — Но, увы, к моему величайшему прискорбию, за последние триста миль мы не встретили ни одной швейной мастерской.

И не только ее.

Прачечные, судя по всему, им тоже не попадались. Взять хотя бы скатерть. Льняная. Белоснежная. С тонкой вышивкой. И пятнами от чая, вишневого компота и соусов… пятна застирывались, но, похоже, не слишком старательно.

Многоуважаемый Гренморт лишь вздохнул.

Вздох его был тяжким.

Душераздирающим.

А в его исполнении…

Если Тихон был эльфом, вернее — альвином, то Гренморт причислял себя к подгорному народу. Невысокий, на полголовы ниже меня, он отличался непропорционально развитой фигурой: широкие плечи, длинные руки и в то же время короткие, хоть и крепкие ноги.

Ноги, затянутые в шелковые чулки.

Белые.

К чулкам прилагались туфли с длинными загнутыми носами и пряжками-бабочками, пышные штаны из золотой парчи, из прорезей которых выглядывал лиловый шелк.

Подвязки с пышными бантами.

Рубашка с круглым кружевным воротником — я такие только в учебниках истории видела. И камзол из атласа винного цвета.

Убийственная красота.

Пышную бороду Гренморт заплетал в тонкие косички, каждую из которых украшал крохотный парчовый бантик. В темной гриве волос виднелись и бусины, и перышки. И при всем этом он умудрялся смотреться весьма гармонично.

— Не будет ли с моей стороны дерзостью уточнить, чья нынче очередь стирать? — поинтересовался Тихон, почесывая ухо.

— Так… Ричарда? Вчера я был. Позавчера ты. Сегодня Ричард… и стирает… — Грен взял паузу, добавляя трагизма. — И готовит.

И вновь вздохнул.

Так обреченно… похоже, упомянутый Ричард, который за столом отсутствовал, был не слишком умел в готовке.

— Если хотите… — Я скромно потупилась.

Нет, не сказать чтобы я стремилась произвести впечатление кулинарными талантами — судя по стопкам кривоватых бутербродов из черствого хлеба и несколько заветрившегося сыра, это будет несложно, — скорее уж видела возмож- ность.

Эта самая возможность просто-таки нагло лезла в глаза.

В жилом вагоне, где разместились и небольшая гостиная, и столь поразившая меня ванна о львиных лапах, и крохотная, едва повернуться, кухня с холодильной установкой — вот уж еще одно чудо, — царил беспорядок. Мягко говоря, беспо- рядок.

Я бы сказала, форменный бардак.

Грязная посуда.

Грязная одежда.

И ковер, некогда, подозреваю, весьма милый и недешевый, тоже не отличался чистотой.

Клубы пыли в углах и толстый слой ее же на очаровательной этажерке. Вместо статуэток, которые бы с этажеркой гармонировали, на полочках валялись ключи, отвертки и розовые бантики…

Чай пах сеном. Возможно, им и был, поскольку вкус соответствовал запаху. Над бутербродами печально кружила муха, не решаясь, впрочем, покуситься на них.

— Возможно, — я сделала глубокий вдох, — это будет нагло с моей стороны, но…

…эти двое по первому впечатлению неплохие ребята.

Подобрали.

Чаем напоили. Накормили в меру возможностей… и вообще везут вот. Только ехать мне совершенно некуда. И не факт, что в городке, куда мы прибудем к завтрашнему утру, меня встретят столь же ласково. Нет уж, знакомое зло лучше незнакомого.

А с бардаком я управлюсь.

Имеется опыт.

— …вы не хотели бы нанять домоправительницу? — завершила я фразу и скромно потупилась, надеясь, что поймут они верно. В конце концов, в ближайшем окружении не было никого, кто бы претендовал на сие чудесное место.

— А… — Альвин дернул ухом, для разнообразия левым.

И котелок снял.

— Готовлю я неплохо. Стирать умею. Иглу в руках тоже держать доводилось. — Я старалась говорить спокойно. — Естественно, никаких иных…

…это слово я подчеркнула, и подгорец очаровательно зарделся.

— …услуг я не оказываю.

Альвин дернул правым ухом.

И уставился на подгорца.

Подгорец — на потолок.

Посмотрела и я. Потолок был низким, что, впрочем, неудивительно. Удивительно вообще, как в эту колымагу столько всего влезло, изнутри она выглядела куда больше, чем снаружи.

— Ричард будет недоволен, — произнес Гренморт со вздохом и покосился в сторону ширмы. Надо полагать, за ней и находился тот самый Ричард, поборник бардака и любитель черствого хлеба.

— Будет, — согласился Тихон.

— Он и так постоянно недоволен. На паршивого не угодишь: то жарко, то не парко, то

баня студена. А мы скоро язву заработаем… и вообще… не токмо пузище смышляет о пище, и тощий живот без еды не живет.

Изрекши сию мудрость, Грен вытащил из бороды бантик и предложил:

— Пять серебряных в месяц?

— Десять, — сказала я. — И полное содержание.

— Идет!

Позже, вспоминая этот момент, я бесконечно удивлялась своему запредельному везению.

Избежать смерти.

Очутиться на Элайне. И встретить не разбойников, которые здесь водились, хотя и не в большом числе, не умертвие — их было чуть больше, нежели разбойников, не хищника, нежить или жить с недобрыми намерениями, но именно тех людей, которым я была нужна.

И которые были нужны мне.

Шутка Богов?

Судьба?

Тогда я меньше всего об этом думала, но лишь радовалась, что обрела какие-никакие кров и защиту.

Ричарда разбудил запах.

И это был отнюдь не привычный запах старого кладбища, в котором мешались ароматы сырой земли, камня и лишайника, эти камни покрывающего. И не запах очередного провинциального городка. И даже не таверны, где запахи съестного перекрываются смрадом навоза и переполненных нужников. Нет, это был запах дома.

Воскресного дня и матушкиного жаркого, которое она готовила с тертым имбирем, кардамоном и горошинами черного перца.

Ее же пирогов, сытных и пышных.

Пироги зачинались с утра, и к обеду, когда все семейство выбиралось из кроватей — в воскресенье даже отец позволял себе отдыхать до полудня, они уже выбирались из печи на старый кухонный стол, где и остывали, прикрытые чистым полотенцем.

Запах свежего чая.

И горьковатый аромат отцовской трубки.

Ричард вдохнул его и окончательно проснулся, впрочем, без особого удовольствия. Все-таки подобные сны снились нечасто. Обычно он видел кладбища и неупокоенных.

Профессиональная деформация — дело такое.

И теперь Ричард лежал, упрямо щурясь, в слабой надежде, что сон вернется. Но вскоре осознал, что не спит, однако удивительные запахи не исчезли. Изменились несколько.

Табак?

Грен опять трубку затеял.

Уселся в кресле, ногу за ногу закинул, глаза прикрыл, мурлычет под нос подгорную народную, наверняка матерную… слуха у него нет, голоса тоже, но сейчас его мурлыканье в кои-то веки не раздражало. Из-за запахов.

Пахло пирогами.

И жарким.

Ричард повел носом.

— Мы до Ормса добрались?

— Еще пара часов, — не открывая глаз, сказал Грен. — Горазд ты… вздремнуть не вздремнул, а всхрапнул да присвистнул.

Пара часов… очередную подгорную мудрость Ричард привычно пропустил мимо ушей.

— А откуда тогда… — Он сел.

И широко зевнул. Предыдущая ночь выдалась нелегкою. Вот недаром он всегда недолюбливал старые сельские кладбища. Есть в них обманчивое коварство. Маленькие. Лишенные роскоши старинных погостов, запертые за заговоренною оградой, они порой таили в себе немало тайн.

Как правило, не особо приятных.

И нынешнее — мол, беспокойственно стало, господин некромант, может, глянете одним глазочком, раз уж выпало вам заглянуть в наши края, нет, ничего страшенного, но воеть кто-то — не стало исключением. Кто знал, что воет не кликуша, от которого всего вреда, что нервы потраченные, и не неупокоенный дух младенчика, схороненного местною блудницей, и даже не упырь одинокий, от тоски на луну страдающий. Выл местный колдун-самоучка, которого неблагодарные сельчане живьем под кладбищенскою оградой закопали. И пусть случилось это лет двести тому — Ричард лишь порадовался, что некоторые суеверия удалось побороть, — но за двести лет неупокойник силы не утратил.

Сумел из-под ограды выбраться — а нечего было экономить на восстановлении защитного периметра, нанимая недоучек, — и нору себе в старом склепе устроить, и окружить свитой из полудюжины голодных упырей. Чудо еще, что эта стая не вырвалась в селение, что хватило силенок старому храму защитить паству…

…не некроманта.

Нет, с упырями Ричард быстро справился, пусть и сил потянули больше обычного, но в преддверии волны — это нормально. А вот с хозяином их, сохранившим не только ненависть — правильно, Ричард подозревал, что сам после подобного выверта озверел бы, — но остатки разума, а главное, силу, которую за сотни лет приумножил, пришлось повозиться. Бой выдался жарким.

И кладбище в Выселках придется новое закладывать. Староста же, скотина такая — не могло быть, чтоб он про упырей не знал, — пытался еще возмущаться, мол, могилы предков порушили, памяти людей лишили. Ага, не так ему эти могилы дороги, как двадцать золотых, честно Ричардом заработанных…

Да, ночь была нелегкой.

Утро и того гаже.

И удивительно ли, что день Ричард провел в кровати. Причем как пришел, так и рухнул. И отключился. И вот теперь разбужен был прекраснейшим из ароматов — запахом нормальной еды.

Грен и Тихон ребята хорошие, но… готовить они не умеют, как и сам Ричард, а жрать сухой хлеб с солониной на третий месяц совместного пути обрыдло. Староста тех же Выселок, обиженный неуступчивостью некроманта и расставанием с золотом, с которым душою сроднился, не иначе, продуктов не дал. И не продал. Мол, год ныне неурожайный, самим бы дожить до весны…

Сволочь.

Ричард запустил пятерню в волосы и почесал.

Блох бы не нахватать. Обычные-то ладно, но покойницкие — такая гадость, которую выводить замучишься. А они, некромагией питающиеся, очень любят что неупокойников, что

некромантов…

— Ричард, — Грен выпустил колечко дыма из левой ноздри, — тут дело… есть.

— Не хочу есть дело. Хочу пирог.

И жаркого.

Миску.

Можно не фарфоровую, хотя по воскресеньям матушка доставала фамильный фарфор, пусть и не костяной, как у лойров, но приличный весьма. И к нему — столовое серебро.

Накрахмаленные салфетки.

Плевать. Он и на глиняную миску согласен, лишь бы миску эту доверху наполнили.

— Мы тут подумали с Тихоном… конечно, надо было бы тебя разбудить, но ты так устал…

Начало не понравилось. Нет, Ричард и вправду устал, что собака, но прежде это обстоятельство Грена не слишком-то беспокоило.

— А жизнь эта… разве это была жизнь? Тебе ведь самому солонина надоела? А тихоновская овсянка? Она мало от смазки отличалась…

Это было правдой, но все равно вступление настораживало. Как и премерзенький зуд. В логово неупокойника пришлось лезть, а то мало ли, вдруг да успел яйца отложить. Костяные черви, конечно, разума лишены, но от этого не менее опасны.

Безглазые белесые твари, которые костной тканью питаются. И не обязательно мертвой.

Две кладки сжег.

И в одной личинки уже просматривались сквозь мягкую скорлупу.

Точно блоху подцепил… вот пакость!

— Да и стирать надо кому-то… штопать… у Тихона вон из целой одежды трусы одни остались. Мне, говоря по правде, надоело этим заниматься.

— Что утворили? — Ричард попытался нащупать скользкое тельце.

Благо покойницкие блохи от своих сотоварок отличались крупными размерами — с горошину каждая — и медлительностью.

— Тебе, как битому псу, только плеть покажи…

— Грен!

— Мы наняли домоправительницу.

— Что?

— До-мо-пра-ви-тель-ни-цу, — по слогам повторил Грен. — Она миленькая…

— Домоправительницу? — переспросил Ричард, и блоха, которую почти удалось ухватить, выскользнула из пальцев. Надо гребень искать. И он где-то был, но вопрос — где? — Какую, к Проклятому, домоправительницу?

— Очень даже интересную… и вот, я бы хотел попросить тебя. Будь с ней повежливей. Не надо пугать девочку. Она не местная…

Ричард развернулся в сторону кухни.

Домоправительница? Откуда в их тихой мужской компании взялась растреклятая домоправительница?

— И вообще, — пыхнул трубкой Грен, — сначала поешь. Сытый ты как-то добрей. Не в обиду будет сказано.

Сытый, голодный… плевать.

— …хотя, — донеслось в спину, — сколько некроманта не корми, а упыря не полюбит…

Она стояла у плиты.

И колдовала над кастрюлей.

Ричард тысячу раз видел, как матушка готовит обед, или там ужин, или в принципе готовит, и всякий раз удивлялся этой кухонной магии, в которой истинной магии было ни на грош.

Она была…

Лайрой.

Ричард закрыл глаза и ущипнул себя за руку, отчаянно надеясь, что это лишь сон продолжается. Но боль была явственной, да и не только в руке. Затылок тоже кольнуло — покойницкие блохи не только магией питались. Но во сне боли нет, и значит, эта девица, обосновавшаяся на кухне, на его, Ричарда, кухне, где он уже три месяца безуспешно пытался освоить великое искусство кулинарии — куда там некромантии, с некромантией проще, — девица вполне реальна.

Она стояла.

В синем платьице престранного кроя… вроде бы скромном, но подчеркивающем субтильную ее фигурку. Темные волосы гладко зачесаны.

Шейка белая.

Ручки белые… и вся она такая изящная, что зубы от злости сводит. Домоправительница? Да ни в жизни!

— Добрый день. — Она повернулась и одарила Ричарда любезной улыбкой, которой, впрочем, он ни на грош не поверил. — Мы с вами незнакомы. Вы, должно быть, Ричард?

Он кивнул.

— Оливия… можно Ливи…

И ручку протянула.

Тонкую белую ручку.

Надушенную, Проклятого ради, ручку!

Ричард молча развернулся. Если не дура, сама поймет, что ей здесь не рады.

К знакомству с Ричардом — про себя я решила, что не позволю этому потенциальному женоненавистнику лишить меня свежеобретенного дома — я готовилась морально.

Я уже знала, что Ричард оный — маг.

И даже не удивилась.

Подумаешь, маг… я вот альвина живого увидала. И гнома. То есть подгорца.

Некромант.

Это уже, конечно, интересно, но не настолько, чтобы паниковать. И вообще… я собиралась сражаться до последнего. В конце концов, отступать мне некуда. Не на дорогу же возвращаться? А потому, отложив сомнения и страдания — будет свободное время, им и предамся, — я занялась делами.

Уборка?

Разве что быстрая. Ужин — это актуальней. Ни один мужчина, как утверждал бабушкин жизненный опыт, которому я доверяла бесконечно, не расстанется с женщиной, способной утолить его голод, будь то интеллектуальный, эмоциональный или банальный физический. С последним я, собственно говоря, дело и имела. Грен, все так же краснея и слегка заикаясь, признался, что питались они просто чем Боги пошлют, а слали Боги в основном продукты, в готовке не нуждавшиеся. Сиречь солонину, колбасы и хлеб. Иногда — сыр. Горячая еда? Это

если повезет у трактира остановиться. Нет, сами они тоже пробовали готовить, но, увы, результаты сих попыток были плачевны.

А до мороженых полуфабрикатов, на счастье мое, в этом мире не додумались.

И вот я встала у плиты.

Магической.

То есть мне сказали, что плита магическая, но я магии не почуяла. Мне, честно говоря, важно было, чтобы она работала. А она работала. Ручку поворачиваешь, и огонек появляется, а уж от газа он, электричества или заряженного магией кристалла — дело третье.

Были здесь и сковородки, правда, покрытые толстым слоем копоти и жира, и кастрюли, и прочая кухонная утварь. Обнаружился и холодильник — дубовый сундук с запором, изнутри затянутый толстым слоем льда. Магия или нет, но размораживать его придется, хотя бы затем, чтобы понять, что же скрывают ледяные глубины. Мне при помощи Грена удалось добыть кусок вырезки.

Лук, морковь, картофель.

Соль.

Приправы.

Готовить я всегда любила, и супруг мой — надеюсь, Макс и до него доберется, не мне же одной страдать? — всегда высоко оценивал мои кулинарные таланты. Так что, надеюсь, сумею приятно удивить троих изголодавшихся по нормальной еде мужиков.

Жаркое.

Салат из черных помидоров и подвяленного — но какой уж есть, чудо, что он вообще обнаружился, — базилика. Щепотка перца. Капля масла, по виду похожего на оливковое… в очередном сундуке масла этого залежи обнаружились…

Я настолько увлеклась исследованием — надо же знать, что у меня под рукой имеется, — что не заметила появления Ричарда.

Просто обернулась, а он стоит.

То есть сначала я увидела, что что-то да стоит; такое темное и косматое… и не заорала исключительно на остатках силы воли. А что, этой воле и без того досталось изрядно за сегодня.

Ричард был…

Не знаю, маг он там или не маг, некромант, женоненавистник и вообще, но… пока он производил впечатление человека, которого хотелось покормить и пожалеть, при этом, желательно, не прикасаясь.

Во-первых, от него воняло.

Изрядно так воняло.

И запашок сладковатый, пряный, поначалу даже приятным кажущийся, этакий запах розового куста. Только стоит чуть принюхаться, и за этой розовостью чудится характерный душок разложения.

И я с трудом удержалась от того, чтобы зажать нос. И улыбнулась.

Господи, а надето на нем что? Рубаха разодрана в лохмотья. Остатки левого рукава повисли на манжете. Из дыры в правом выглядывал острый синюшный локоть, тоже, к слову, с красноватой вспухшей полосой ссадины. Штаны, относительно целые, были заляпаны в чем-то белесом и засохшем…

Я сглотнула.

— Добрый день.

Бабушка учила меня, что не одежда красит человека. Мало ли что с Ричардом произошло, может, у него предыдущий день не задался, а если избавить его от этих обрывков и отмыть, прекраснейшим человеком окажется.

— Мы с вами незнакомы. Вы, должно быть, Ричард?

И улыбаться.

Очаровательно. Смогла же я несколько лет супружеской нашей жизни улыбаться Максу?

Он кивнул.

И нахмурился.

Что-то не так? Конечно, следовало бы переодеться, мой наряд, подозреваю, несколько экстравагантен, но хотя бы цел и относительно чист.

Не то что у некоторых.

Хмурый.

И видно, что хмуриться привык. Вон, морщины появились… сколько ему лет? С виду около тридцати, может, чуть больше. Не мой типаж совершенно. Невысокий. Чуть выше меня. Тщедушный, и сутулится. В детстве ему по спине линейкой железной не доставалось за осанку неправильную… пускай. Кожа темная, то ли от природы, то ли от избытка свежего воздуха. Из пегой гривы волос перья торчат, явно не из подушки добытые. И не только перья… беленькое — это кости? А шнурочки, которыми он тонкие косицы перевязал, надеюсь, не из человеческой кожи сделаны.

Лицо…

Обыкновенное, пожалуй. Разве что нос ломаный выделяется, массивный и кривоватый. И вот шрам на левой щеке, из-за которого глаз прищуренным кажется, внимание привлекает. А вот подбородок жесткий, прямой.

Щетинистый.

И щетину он поскреб. А я протянула руку:

— Оливия. Можно Ливи…

И что сделал этот хам? Повернулся спиной. То есть моя скромная особа не удостоена была и слова? И почему-то меня это разозлило. Так разозлило, что я едва не расплакалась.

От злости.

Ну уж нет! Не дождется!

И я тоже повернулась к некроманту спиной. Пусть он трижды великий маг, но за стол с грязными руками не пущу…

Пускать не пришлось.

Ричард демонстративно отпилил себе ломоть черствого хлеба. Положил поверх него изрядный кусок ветчины, как по мне, несколько заветрившейся, но ему, похоже, было не привыкать — профессия обоняние отбила? — и устроился в дальнем углу.

Вот и славно.

Ужин.

Белая скатерть — откуда только появилась? Или это прежняя? Но тогда каким чудесным образом она вернула исходную свою белизну? Фарфор альвинский фамильный, пусть и пострадавший во время очередного тихоновского эксперимента, но все одно изящный.

Салфетки.

Колечки для салфеток.

Ричарда от вида этакой красоты мутило. Или от голода? Или вообще от жизни поганой,

беспросветной. Почему-то именно сейчас было невыносимо жаль себя, причем сразу за все прожитые годы. Был бы бабой, расплакался бы.

Бабой Ричард не был.

А потому принятое волевое решение подлежало исполнению, пусть и черствый хлеб в горле застревал, а ветчину, судя по запаху, есть было вовсе опасно для жизни. Ничего. Ричард и не такое едал. Ветчиной его не проймешь.

Эта же… Оливия-можно-Ливи… имя дурацкое, сама тоже идиотка… откуда только взялась? Порхает бабочкой… цветочки поправляет в вазе.

На кой им, к Проклятому, цветочки?

— Худой роже и зеркало негоже, — заметил Грен, который за девицей наблюдал с явным удовольствием.

— Что?

Мудрость подгорного народа ускользала от понимания Ричарда.

— Лопнешь сейчас от злости.

— Так заметно?

Грен усмехнулся.

— Нет ли вошки, нет ли блошки — один червячок, да и тот золотой…

Значит, заметно.

И что с того? Ричард имел полное право злиться. Эта девица… откуда она вообще взялась? Домоправительница. Знал он таких, прости Фрада, домоправительниц. Сначала они домом правят, потом и хозяевам на шею садятся. Пары дней не пройдет, как перед этой будут они ходить строем и руки перед едой не то что мыть — вылизывать.

А Ричарду с грязными, может, вкуснее.

Нет, он отдавал себе отчет, что злость его иррациональна, что ничего-то плохого пока не произошло и, возможно, не произойдет, но вот… вызывала она раздражение.

Глухое.

И гнев праведный.

Чем? Ричард призадумался. Горячая еда — это благо, которого они ввиду собственной косорукости были лишены, как лишены порядка и чистой, не говоря уже о целостности, одежды… и действительно стоило бы нанять кого-то…

…кого-то попроще.

В деревне там. Или в трактире. Девку покрепче и, главное, без иллюзий относительно своей роли здесь. А эта… благородные лайры — а у нее на лбу большими буквами написано, что особа оная благородней некуда — не чинят рубашки простым горожанам.

Или не простым.

Ладно, с Тихоном она, допустим, уживется. Он — существо беззлобное, ко всему альвин, а альвинов лайры любят трепетной платонической любовью, ибо модно. Грен… подгорцев любить сложнее, но он способен поддержать беседу и прическу сделать. А значит, будет сочтен по- лезным.

Ричард же…

Он вцепился зубами в бутерброд.

Да он скорей сдохнет, чем позволит себя выдрессировать. Хватит. Уже один раз поддался, и второму — не быть!

— Значит, — ветчина комом ухнула в желудок, — пара часов до Ормса?

— Чудак покойник: умер во вторник, в среду хоронить, а он поехал боронить. — Грен

лишь тяжко вздохнул. — Ричард, не дури, а? Сам не хочешь, дай другим жизни порадоваться.

— Да радуйтесь, всех Богов ради… мне кое-что выяснить надо… ты вообще не забыл, куда и зачем мы едем?

И последовавший вздох стал лучшим подтверждением того, что Грен не забыл. Да и как подобное забудешь?

…сейчас Ричард не мог бы сказать точно, когда именно появилась эта идея. Сначала она ему самому показалась в достаточной степени безумной, чтобы раз и навсегда выкинуть ее из головы. Вот только выкидываться идея не пожелала. Она возвращалась, сначала во снах, потом и наяву, заполоняя паузы дневных переходов, заставляя думать и передумывать.

Раз за разом.

И в конце концов Ричард сдался.

Что он терял?

Год работы в императорской библиотеке? Благо за прошедшие после выпуска семь лет он сумел скопить неплохой капитал и мог позволить себе отпуск.

Квартирку в Белом городе.

За чертой обошлось бы дешевле втрое, но ему хотелось исполнить студенческую мечту.

Полный пансион.

Благообразная вдова-хозяйка. Мансарда. Кресло-качалка. Сад с белыми розами и хризантемами. Тихие улочки, махонькие ресторанчики. Неторопливое течение жизни в сени императорского дворца. И главным развлечением — сплетни.

…слышал ли Ричард о бароне Лемштейн, который, поговаривают, женился, но исключительно, чтобы этой женитьбой перекрыть иные слухи, о своей любви вовсе не к женскому полу. Какой кошмар, верно? И если так, то жену, бедняжку, жаль… или не жаль? Она из обедневшего рода, а Лемштейны богаты. Только и говорят ныне, что он ей на свадьбу ожерелье преподнес сапфировое с камнями, каждый с яйцо размером. Гусиное.

Нет, сама хозяйка не видела, но люди врать не станут…

…или вот маркиза Гольденберг в срочном порядке отбыла. Дом ее выше по улице, такое белое здание с колоннами. И шесть розовых кустов, все разного цвета — сущая безвкусица. Сразу понятно, что происхождения маркиза простого. Ни одна урожденная лайра не будет высаживать розовые кусты разного цвета. А она, сказывали, в молодости была диво до чего хороша, вот и умудрилась увлечь беспечного маркиза. Тот даже помолвку разорвал с достойнейшей особой, родителей ослушался и вот теперь пожинает плоды собственной беспечности. Маркиза-то не просто отбыла, а говорят, в тягости она, и отец ребеночка — вовсе даже не маркиз, но Сам… кто? Естественно, Император! Она ведь его фавориткой была… да, была, но теперь вряд ли вернется… почему? Не позволят… герцогиня Орисс де Вильо…

Да, конечно, та самая!

Вы имели честь быть знакомы? Чудесно! И она действительно столь хороша, как о том говорят? Ах, знакомство давнее, и вы ничего не слышали?! О, она вышла замуж года четыре тому. Об этой свадьбе долго говорили. Ее отец приказал во всех трактирах угощение выставить. И на площадь бочки с вином выкатывали… а на невесте было платье из живых цветов.

Альвинийская магия.

И Император, увидев невесту, сказал, что ей быть главным украшением дворца…

Слушать это было невыносимо.

И сам Белый квартал вскорости встал поперек горла. Чистые тротуары. Мощеные улочки. Императорская гвардия. Дамы с собачками.

Дамы собачатся, но вежливо, одаряя друг друга сомнительной свежести комплиментами. Весь этот мир был искусственным, накрахмаленным, как воротничок рубашки. И в этой его крахмальной чистоте Ричарду места не было.

В этом мире знать не знали об упырях.

Какие упыри, милостивые Боги? В приличном обществе об этом говорить не принято. И о жорлах. О костяных червях. О стаях грызл, после которых не остается ничего живого. О бродячих курлицах, полуразумных и тем опасных…

В этом мире было безопасно.

Уютно.

И потому виделась в глазах вдовы, пусть и вынужденной сдавать комнаты постояльцам, а все одно обеспеченной, плохо скрываемая жалость. А еще недоумение — как вообще возможно стало, что подобные Ричарду сущности — вряд ли она вообще считала его человеком — нарушают покой его?

Плевать.

Идея, в тишине и благости Белого города, разрослась. Ожила. И обросла плотью фактов, подтвержденных хрониками. Стоило порадоваться, что звезда некроманта — изрядно потемневшая и обзаведшаяся парой-тройкой собственных шрамов — открывала полный доступ к Большой Императорской библиотеке. И не только к ней. В белокаменном здании, где разместилась Гильдия некромантов, Ричарда тоже встретили вполне любезно.

— А, это ты, малыш Риччи. — Старый неприятель за годы несколько раздался и отнюдь не в плечах. А в остальном он был прежним — нагловатый и позолоченный. — Рад тебя видеть…

Его звезда сияла, что новенькая.

И пяток рубинов — надо же, за какие достижения его Император отметил? — придавал ей вес.

— И я рад, — покривил душою Ричард. — Лойро Альвинар.

— Брось, — отмахнулся Бран и подхватил Ричарда под локоть. — Зови как прежде…

— Титулованным засранцем?

Смешок был ответом. И снисходительное похлопывание по плечу, мол, он оценил этакую шутку. Грубоватую. В духе простонародья.

— По имени, малыш Риччи… Боги всемилостивейшие, сколько лет прошло? А ты постарел… слышал, бродишь? Честно говоря, не удивлен. С твоим-то неуживчивым характером. Думал, тебя сожрали давно.

— Как видишь.

— И упырям поперек горла встал? — хохотнул Бран. — Сказывали, что ты в каких-то Забубеньях жвиркла встретил?

— В Бубенчиках, — уточнил Ричард, разглядывая сокурсника. Белая кожа. Сытая рожа. Волосы завитые по последней моде, присыпаны золотистой пудрой, тоже по этой же моде…

— Что, вправду встретил?

— Вправду.

— И живой?!

— Сам удивляюсь.

Бран расхохотался и от души по спине хлопнул.

— А я и подзабыл, какой ты веселый парень… везет тебе… на живого жвиркла посмотрел…

Этим бы везением Ричард от всей души поделился бы. Жвиркл был матерым, с телегу длиной. Его темно-зеленая броня надежно защищала его от магии, да и в целом тварь нежитью не являлась.

Просто хищник.

Огромный. Живучий.

Верткий.

Это кажется, что подобная громадина не может быть быстрой. Еще как может. У него клешни, что ножи… стальной прут срезали чистенько, что уж про человека говорить.

— А мы тут тухнем, да… на государственной службе. — Бран щелкнул по звезде, которую носил, на цепь повесив, чтоб, стало быть, каждый видал, не просто так лойр идет, но благородный некромант, самим Императором за службу отмеченный. — Жвиркла ты, к слову, зря посек… мне отец сказывал, что туша пришла в совершенно непригодном виде. А его бы в стазис и выставить.

— Извините.

Тогда Ричард меньше всего думал про то, как бы тушу не повредить. Его, глобально размышляя, туша эта интересовала в самую последнюю очередь. Он пытался выжить.

И добраться до выпуклых сетчатых глаз.

И до нервного узла, расположенного в основании этих глаз. А остальное…

— Ничего… мы выставили жвалы и клешни… матерая тварь, матерая… мне за него первый камень пожаловали.

— Что?! — вот это уже было обидно.

Тварь уничтожил Ричард.

— Вот, — Бран нежно погладил рубин. — Лично из рук Императора получил… эта тварь, если знаешь, полдеревни пожрала. Нам тут челобитную доставили. Думали, кого отправить, а тут ты…

— И камень…

Брану, который не сделал ничего.

Алый камень.

Благодарность императорскую.

— И отцу, конечно… он ведь у меня, если не забыл, Глава Департамента утилизации… название дурацкое, ощущение, будто он золотарями заведует, верно? Ну пойдем, друже, посидим. Расскажешь, чего интересного… я наших позову. Рады будут.

Отвертеться не получилось.

Да и… впервые, пожалуй, Ричард готов был поступиться принципами и попросить о помощи.

…за одним столом сидели маркиз, баронет, два графа, три виконта и Ричард, на которого смотрели с сытой снисходительностью, как на бродячего кота, взятого в дом из милосердия.

Не в дом.

В ресторан.

Конечно, разве снизойдет баронет до простого трактира? Только «Императорский олень». Не переживай, малыш Риччи, мы все понимаем… угощение за наш счет… не стесняйся. Пробовал устриц на льду? Вот так, раковину открываешь, сбрызгиваешь

лимонным соком… если решишь блевать, пусть вазу подадут. Ты, конечно, парень простой, но блевать на пол здесь не принято. Для того специальные блевательницы имеются…

И смех.

И хлопки по плечам.

И просьба рассказать что-нибудь этакое, из жизни простых некромантов… жвиркл? И ты уцелел? Молодчина! Вот всегда знали, что тебя не потопить… а помнишь, как мы… или вот еще…

Вечер воспоминаний тонул в вине, а Ричард — в словах.

И позолоте.

Слишком роскошно. И компания эта… они свои, давно уже понимают друг друга с полувзгляда. Собрались? Зачем? Удумав очередную шутку? Нет, переросли. И отпала необходимость ставить наглеца на место. Уже поставлен.

Кто он такой?

Обыкновенный некромант.

— А хочешь, — Удальф сытно срыгивает и роняет тонкую кость в вазу для костей. Медную. Сияющую. С гравировкой, — я перед отцом словечко замолвлю? Нам хорошие спецы всегда нужны… поначалу тут покрутишься…

— Лучше уж к нам! — Фиско к лицу черный цвет. И бледность аристократическая, пудрой подправленная. — Эти скупцы с тебя семь шкур снимут, а мы нормально платим. Сдельно. Извел криксу — двадцать золотых… изгнал шамыжника — тридцать…

— А жвиркла завалил — и фирма разорилась! — крикнул кто-то, и компания зашлась пьяным хохотом.

После выпуска Ричард бы за это предложение ухватился бы и руками, и ногами… что там ноги, зубами бы вцепился, но не сейчас.

Золото?

Определенно, получал бы он больше. В столице всегда цены были выше, да и снять с какой-нибудь мнительной лайры можно втрое против крестьян. Или вчетверо.

И жвирклов в столицах не водится.

И проклятых гончих.

— Слушай, малыш Риччи, — с ним говорили снисходительно, как с существом второго сорта, которому оказали высочайшую честь, усадив за стол. — А чего ты тут делаешь? Вообще? Ну, если работа не нужна…

Ему бы промолчать.

Обратиться бы в Гильдию к кому постарше, глядишь, иначе все повернулось бы. Но он и сам был в подпитии, да и обида душила, детство, конечно, но справиться с этим детством Ричарду было не под силу.

— Я ищу источник волн… — сказал он.

Идиот.

Это ему и сказали. В выражениях изысканных, но весьма доходчиво.

— Слушай, братец. — Удальф приобнял Ричарда и смачно срыгнул прямо в ухо. — Ну ты… выдумщик. Волны… источник… какой, к Старым Богам, источник?

Обыкновенный.

Волны были проклятием Империи.

Проклятием известным, к которому давно уже притерпелись и, собственно говоря, перестали воспринимать как угрозу. Да, раз в десятилетие нечисть вдруг оживала, плодилась

и лезла к людям. Где и находила свой бесславный конец.

И да, случались жертвы.

Как без них?

То упыри прорвут периметр, то грызлы вырежут пару хуторов, ну, может деревеньку-другую, то старое городское кладбище — вот же дурной был обычай, хоронить в черте города — не единожды зачищенное и упокоенное-переупокоенное, выродит лича… но такое и в обычное время случалось.

А потому волну просто пережидали.

Вооружались.

Рассылали некромантов.

Раздавали страже императорское заговоренное серебро. Подновляли охранные знаки и молились Богам, чтобы прошла сия напасть скорее. Боги, как правило, внимали, и через месяц-другой волна отступала. На следующие десять лет.

Все это было привычно.

Знакомо.

И ни у кого не возникало вопросов. Кроме Ричарда.

— Смотри, до Первой Магической никто слыхом не слыхивал про эти волны.

Говорить пришлось громко, все же однокурсники были слишком заняты, обсуждая какую-то Морисс дель Форо, которая метила в императорские фаворитки и даже была весьма собой хороша, но вряд ли Орисс ей позволит…

— Я перечитал десяток хроник. Никакого упоминания о повышенной активности. Даже у Берлиоса Торанского, а он был еще тем занудой. Значит, можно сделать вывод, что до войны этих волн попросту не существовало. Это первое.

Ричард загнул палец.

— Второе. Волна имеет географическую привязку. Провинция Ульгранд. Потом Сикхар, Ванур и Дейто. Так?

Удальф пьяновато кивнул.

— А вот Приморье практически не затрагивают… там о волнах слышали, но что это такое — реально не представляют. Как и в Койнуре. Огхар…

— Там одни горы…

— И горные шайры, которые еще та пакость. Вьют гнезда в шахтах, охотятся на шахтеров, — Ричард повел плечами, отгоняя неприятное воспоминание. — Есть костяные черви, умертвия, неупокойники… как везде. Вот только активность их стабильна, понимаешь?

— П-понимаю. Надо ехать в г-горы…

— В-третьих… — Он икнул и прикрыл рот рукой. — Извини…

— Извиняю, — милостиво кивнул Удальф.

— В-третьих… четкий вектор развития… всегда начинается с окраин и катится к центру, а здесь стихает. Я создал карту происшествий. По каждой волне за последние две сотни лет… все достоверные факты… всегда…

— Молодец! — Удальф не стал слушать дальше и от души хлопнул Ричарда по спине. — Знаешь, куда эти карты засунь?

Уточнять Ричард не стал.

— Ты, конечно, умный, да только дурак… вот кому это надо?

— Гильдии?

Удальф покачал головой и налил себе вина.

Белого.

Илирийского.

Три золотых империала за бутыль.

— Если отыскать источник и уничтожить его, волны исчезнут. Возможно, и некрофон понизится, а с ним…

— Точно дурак. — Удальф был изрядно пьян, иначе в жизни не сказал бы того, что сказал. — Это никому не надо. Знаешь почему? Потому что тогда ты останешься без работы. И я. И вот он… или он… а хуже всего, Гильдия останется без денег. А без денег, малыш Риччи, плохо… очень-очень плохо.

Удальф щелкнул бывшего однокурсника по носу и рассмеялся.

— Закон рынка. Цену на услуги определяет соотношение спроса и предложения. Думаешь, почему нас мало? А чтобы не мешали… пока мало, нас ценят… очень и очень ценят… никому неохота стать обедом упыря… упыри не разбирают, кого жрать… вот нам и платят, чтоб не жрали… тебе одни, нам другие… а если упырей не станет, куда пойдешь?

Он сунул в руку бокал.

С белым. Илирийским. По три империала за бутыль.

— Пей, Риччи, пей… и выбрось дурное из головы…

…он тогда и вправду напился.

А протрезвев, отправился в Гильдию. И вправду дурак, если надеялся, что там ему скажут что-то иное. Нет, его выслушали.

Внимательно.

И карты просмотрели.

И покачали головами, мол, до чего удивительные совпадения… а потом в выражениях изысканных и воздушных, как безе, до которого квартирная хозяйка была весьма охоча, посоветовали не тратить время на заведомо бесперспективную идею.

Ричарда беспокоят волны?

Увы, не в силах человеческих противиться воле Богов, а волны — есть не что иное, как материальное проявление этой самой воли. Ниспосланы они во устрашение…

…недаром ведь во время очередной волны люди устремляются в храмы, испрошая о прощении и защите…

Мастер-Некромант говорил спокойно.

Ласково даже.

Только этой ласковостью Ричард не обманулся: его идея приходила в голову не только ему.

— Мальчик мой. — В холодных глазах Мастера-Некроманта сквозило что-то такое… отчего захотелось убраться из приемной в место более безопасное, к примеру в логово к жвирклу. — Твои старания похвальны… и нам жаль, что талант столь яркий прежде оставался незамеченным…

И ему предложили место.

Хорошее место.

С большой перспективой, внушительным окладом и служебной квартирой в Белом квартале.

Наверное, Ричард от рождения был дураком, если отказался.

Глава 5
Леди и приключение

— И вот он мне говорит, куда ты… неразумный человек, — Грен запнулся, верно, в исходном варианте речь нашего некроманта была куда более емкой и выразительной, — лезешь к упырице-то? А я откуда знал, что она упырица? Я ж что видел? Идет дамочка в белом платье… бледна? Так это ныне в моде…

— А когти? — Ричард по-прежнему сидел в дальнем углу.

Забился в кресло.

И давился бутербродом. А на стол смотрел… вот примерно как та несчастная упырица на Грена. Нет, я в жизни упырей не встречала, но подозреваю, что от некромантов они не сильно отличаются.

— Что когти? Я в прошлом году в столице был… чудеснейший город, Ливи, вам доводилось?

— Нет.

— Жаль, непременно должны заглянуть… такая архитектура… а сады! Какие сады… но главное, что в прошлом году в моде были длинные ногти. Магически нарощенные и покрытые синим лаком…

Он повертел в руках вилочку.

Ужин шел своим чередом.

Стол.

Скатерть. Салфетки, которые отыскались в одном из шкафчиков, заваленные кучей пакетов с приправами. И сейчас салфетки неуловимо пахли базиликом и куда явственней — сушеным чесноком. Но эта мелочь не могла испортить настроения.

Неадекватно приподнятого настроения.

Я… я осознавала, что все произошедшее со мной в высшей степени ненормально. Предательство супруга. Убийство. Мир иной… люди и нелюди… и эта машина, которую Тихон гордо именовал октоколесером — язык сломаешь.

Некроманты.

Ужин при свечах, к слову, готически черных свечах, которые тоже отыскались на кухне и вполне себе гармонировали с белым фарфором.

И впору бы в панику удариться или закатить истерику, а я вот… сижу и слушаю истории про упырей.

Не плачу.

Не буду плакать.

Я смеюсь… чему? А чему-то… и слезы, которые из глаз, это от смеха, не иначе… зачем мне плакать? Я ведь жива.

Знаю, что жива.

Что это все — не предсмертный бред, когда время индивидуально и за секунду проживаешь альтернативную жизнь. В фантазии своей или в бреду там я бы выбрала жизнь иную, более… типичную, что ли? Уютную… а в этом фургоне уют наводить и наводить.

— Оливия?

— Извините. — Я встала из-за стола. — Мне… мне бы на воздух.

Леди не плачут.

Во всяком случае, на людях. И пусть люди эти внимательны и, полагаю, за истерику меня не упрекнут, но… я все одно не могу, а если и дальше сдерживаться стану, то меня попросту разорвет.

Я аккуратно разложила салфетку на спинку стула.

И вышла.

За ширму.

Но тонкая ткань — шелк? — не способна была укрыть меня от взглядов. Дверь отворилась беззвучно.

Хорошо.

Вечерний воздух был прохладен. Небо… небо черничного оттенка. И солнце с прозеленью. Смутные очертания городка, до которого мы не добрались по непонятной мне причине.

Лесенка оказалась удобной.

Прочной.

Дорога… холодной, и я вспомнила, что так и не нашла себе обуви. Острый камушек тут же впился в пятку. И эта мелочь, в общем-то ничтожная по сравнению со всем, что сегодня случилось, стала последней каплей.

Я разревелась.

Я плакала, захлебываясь слезами, глядя на зеленое солнце и спутника его, который налился алым цветом…

Как долго?

Не знаю. Может, минуту, может, час. Время смыло слезами. Когда я очнулась, обнаружила, что сижу, прижавшись спиной к холодному колесу. Зеленое солнце почти исчезло за горизонтом, а спутник его повис алой бусиной.

Я замерзла.

И кажется, нарыдалась до хрипоты.

И глаза, думать нечего, заплыли… и если вернуться сейчас, не избежать расспросов, а ко внятному диалогу я была морально не готова.

Надо собраться с силами.

Надо…

И я обняла себя. Летняя ночь прохладна, но, глядишь, не окоченею. Приду в себя и вернусь… мне всего-то надо минуту-другую, чтобы окончательно успокоиться…

Всхлип раздался где-то рядом. Тоненький и жалобный.

Я повернулась.

Никого.

Но ведь… или послышалось? Может, местная птица какая рыдать изволит? Или…

Всхлип повторился.

— Эй, — осторожно окликнула я, вглядываясь в тени. А их в подбрюшье машины было изрядно. — Кто здесь?

Вновь всхлипнули…

— Выходи, я не обижу…

Плакал ребенок. Несомненно. И где-то рядом… только где?

Я наклонилась, заглянув под вагончик, хотя отдавала себе отчет, что под этим вагончиком ребенок не поместится. Да и как он забрался бы?

И откуда взялся?

Откуда бы ни взялся, но ребенок был. И плакал.

— Я не обижу, честное слово…

Теперь плач доносился со стороны поля, отделявшего нас от города. И я решительно встала. Ребенок был. Я слышала.

— Ты где?

Рядом.

— Ты заблудился? Не бойся… я не причиню тебе вреда…

Я с трудом продралась через узкую полосу придорожного кустарника. Запоздало подумалось, что стоило бы на помощь позвать, все же втроем — на Ричарда я не рассчитывала — искать потерявшегося ребенка было бы проще, но не возвращаться же?

— Иди ко мне. Мы отвезем тебя домой… обещаю!

Я огляделась.

Поле… обыкновенное поле… пшеница волнами ходит, хотя ветра и нет. А она перекатывается, шелестит, кружит. Колосья тонкие касаются рук.

Щекотно.

И страшновато.

Вспомнилась история с упырем, и… и я ничего не знаю об этом мире.

— Эй…

Горло перехватило. Откуда здесь ребенку взяться? До города еще миль десять, как Тихон сказал, выбирая место для стоянки. Нет, если по полю, оно быстрее будет… и если ребенок есть, почему он не выходит?

— Ты где? — я сделала шаг назад.

Октоколесер возвышался серебристою громадиной и ныне гляделся родным, близким. Я ведь не убегаю. Я лишь позову на помощь. И если ребенок действительно заблудился… точнее, если это заблудился действительно ребенок, то мне помогут его отыскать и…

Я увидела ее.

Девочку в белом платьице.

Я готова была поклясться, что секунду тому не было ни ее, ни огромного валуна, на котором эта девочка сидела. Она забралась на камень, поджала коленки к груди, обняла себя…

— Эй, — я отступила.

Девочка мазнула ладонью по лицу и повернулась ко мне.

Я отчетливо видела личико ее, с чертами тонкими и изящными. Светлые волосы, заплетенные в две косички. И банты в этих косичках. И пышное платье из какой-то легкой ткани… и даже туфельки атласные, бисером расшитые.

Она была красива.

Слишком красива.

И платье это… мое всякий вид потеряло, хотя я и старалась быть с ним аккуратней… а она…

Девочка еще раз всхлипнула и уставилась на меня. Черные глаза. Яркие такие. Никогда не видела настолько ярких… и надо бы разглядеть поближе… если подойти, я пойму, человек ли она. Нет, конечно же человек.

Человеческий ребенок.

Она заблудилась.

Ей страшно.

Плачет.

Мое сознание словно бы раздвоилось. Одна часть меня требовала немедленно повернуться и бежать изо всех ног к октоколесеру, глядишь, и получится спастись от хитрой твари. Другая не находила в себе сил противиться наведенному желанию заглянуть в черные глаза.

И я шла.

Медленно.

С трудом переставляя ноги. И ноги эти не гнулись. Я чувствовала себя куклой, которую неведомый кукловод терпеливо и спокойно вел к цели.

Девочка всхлипнула. И из черного глаза выкатилась крупная слезинка. Она пролетела по щеке и была поймана длинным раздвоенным языком, который скользнул по губам. А губы растянулись в дурном подобии улыбки. И чем ближе я подходила, тем явственней становилась нечеловеческая сущность девочки.

Слишком тонкий нос.

Вывернутые широкие ноздри.

Тяжеловатые надбровные дуги и синюшная сеть сосудов на запавших щеках. Треугольные зубы, которые тварь и не собиралась прятать. Зачем? Добыча не ускользнет.

Она близка.

И близость будила голод, заставляла нетерпеливо ерзать на камне, изнывая от желания скорей вонзить зубы в горло.

Меня мутило.

И тварь мутило.

Но меня от отвращения, а ее — от голода… и, наверное, в этом было что-то извращенное, но я даже сочувствовала ей, запертой в этом круге. И когда холодная пятерня вцепилась в руку, я смиренно закрыла глаза. Вот и все. Конец приклю- чениям.

Острые когти пробили кожу…

…раздался оглушительный визг, громыхнуло — я вяло удивилась, что громыхнуло так близко. В лицо плеснуло чем-то теплым, но явно не водой… а потом щеку обожгла пощечина.

И я открыла глаза.

— Очнулась, идиотка? — осведомился Ричард, меланхолично дожевывая колосок.

Я кивнула.

И потрогала лицо. И на руки посмотрела.

И даже умудрилась не заорать, сообразив, что покрыты те черною липкою жижей. Я просто вновь зажмурилась и упала.

В обморок.

Глава 6
Некромант и его работа

Ричард вовремя подхватил сомлевшую дамочку и, вздохнув — вот нашел себе приключение, закинул ее на плечо. Нет, благородных лайр полагалось носить на руках с уважением и трепетом, а еще полным осознанием высокой чести, ибо не каждому смертному доверят ношу столь драгоценную, но…

К Старым Богам ее.

И вообще, не стоило вмешиваться.

Сожрали бы? Ничего. Одной дурой больше, одной — меньше…

А ведь дура же! Это надо было додуматься, сама, добровольно полезла к каюше. И как только отыскала такую? Старая, матерая. Судя по наряду, лет двести как похоронили…

На поле?

Почему на поле? Не дитя землепашцев, вон, туфельки атласные, платье шелковое. Лайрой была… и личико чистое. Значит, не от краснухи умерла и не от черной оспы…

Ричард носком перевернул неподвижное тело твари и, обнаружив характерный пушок серого лишайника меж лопаток, покачал глазами. Избавились от девочки. Кем она была?

Дочерью местного лойра?

Неугодным ребенком от первого брака? Сиротой, стоящей между добрыми родичами и наследством? Или… не важно, главное, что умерла не своей смертью. И похоронили ее без обряда. И за душу если и молились, то без должного рвения, вот и восстала.

Вернулась на место гибели.

Устроила логово.

Снимала дань, когда с бродяг, которым случилось заночевать в месте тихом и безобидном, когда с селян… может, и не жировала, но на поддержание облика хватало.

Ричард вытер сапог о землю.

Вот к чему он не сумел привыкнуть, так это к черной жиже, заменявшей нежити кровь. Была она вонюча и на редкость въедлива…

…когда дамочка, всхлипнув, поднялась из-за стола, он проводил ее взглядом.

— Доволен? — поинтересовался Грен, облизывая вилку.

— А что я?

Ричард удивился вполне искренне. Между прочим, он вообще признаков жизни старался не подавать, хотя Боги одни знают, чего это ему стоило! Он просто сидел и наблюдал, как она накрывает на стол… фарфор, салфеточки. Свечи его, между прочим, на крысином жиру топленные, по серебрушке за штуку! А он думал, закончились…

— Ничего. — Грен свечу задул, все же запах у них был специфический, пусть его и старательно заглушали травами. — Ты ее довел!

— Да я ни слова не сказал!

— Оттого телега запела, что давно дегтю не ела… И вообще… она не отсюда.

— Откуда?

— Издалека явно. — Тихон махнул рукой, и остальные свечи тоже погасли. И правильно, нечего чужое добро попусту изводить. Или она собиралась провести тайный, неизвестный Ричарду обряд? — И аура у нее рваная… а это нехорошо.

Это и вправду было нехорошо.

Для нежити рваная аура, что кровь для голодной волчьей стаи, почуют за милю, а то и за две… а эта дура не нашла ничего лучшего, как выбраться из защищенного дома на улицу. И Ричард со вздохом поднялся.

— Постарайся быть повежливей, — напутствовал Грен, подцепляя на вилку сочный кусок говядины.

В животе заурчало.

Живот не желал на улицу — поплачет и вернется, если не полная дура, — а желал остаться в уютном вагончике, где терпко пахло анисовым маслом и немного — крысами. За столом вот, укрытым настоящей белой скатертью… взять тарелочку.

Вилку.

И даже, Старые Боги с ним, нож, как матушка учила…

Ричард утащил кривоватый пирожок и торопливо засунул в рот. Он не отступает от принципов, он… голодный некромант мало по сути своей от голодной нежити отличается.

Дамочка никуда не исчезла.

Сидела, сжавшись в комок, и тихо всхлипывала. Вот уж не было печали. Женские слезы действовали на Ричарда, как серебряная вода на матерого упыря. И вреда вроде никакого, но бесит, бесит…

Он скользнул в тень.

Постоит вот.

На звезды полюбуется. Подумает о высоком… могли бы до города добраться и завтра с утреца прямо на кладбище… Ормс — городишко маленький, не на всякой карте Империи его отыскать удастся. И ничем-то особым ныне не примечателен. Правда, это только ныне. Некогда Ормс славился своими пасеками, а заодно с ними — свечными мастерскими, где с благословения Императора, естественно, не нынешнего, изготавливались свечи самого разного толку, от чистых восковых до особых белых, на жиру, но отнюдь не крысином.

Ныне подобные под запретом.

Что случилось после? То ли разгневанные жители, поддерживая Бастарда, сожгли мастерские, то ли пчелы перемерли — они твари нежные, к магическим возмущениям чувствительные весьма. Как бы там ни было, но дело захирело.

А с ним и городок.

Остались какие-то лавки, отдельные мастерские, где еще цеплялись за клеймо Старой Империи, ежегодная ярмарка и, естественно, кладбище.

Древнее кладбище.

Очень древнее.

Настолько, что последний раз использовалось оно по прямому назначению лет двести тому. Происшествий особых за сим кладбищем не значилось. Но если что и прятать, то там.

Или нет?

А если Ричард и вправду ошибается? Если нет никакого внешнего стимула? И волны — это просто волны… ничего не произойдет.

Все, кто мог Ричарда высмеять, уже это сделали.

Пускай.

Посмотрим, кто и вправду посмеется последним.

Он поежился — холодало, а Ричард и в молодые годы плохо переносил холода — и огляделся. Дамочка исчезла. Вот буквально только что была, а теперь…

Тишина.

Звонкая. Неестественная. Комарье и то попритихло. И это — верный признак. Не любят кровососы конкуренции… Ричард повел головой, принюхиваясь.

Землей пахнет.

Травой.

Водой и малость — дымом. Ну и дерьмом, естественно, это уже от города. Выгребные-то ямы в Ормсе остались со времен Старой Империи. Близко городок… вот добрались бы, а там и трактир отыскали б какой поприличней.

В трактирах тоже пироги бывают.

Правда, черствоватые, как правило, — сколько Ричард себя помнил, никогда не получалось на свежие попасть. И начинка из неизвестного зверя, хорошо, если еще травами гниловатый душок перебивали… но зато никаких благородных лайр в окружении.

Куда она все-таки подевалась?

Шелестит пшеница.

Шепчет что-то… что именно? Ричард размял пальцы. Повернул темное кольцо защиты, активируя. Может, конечно, и не стоило тратить силу впустую, но сам он еще после вчерашнего не восстановился. А мало ли что встретится на простом пшеничном поле?

Дамочку он увидел не сразу.

Шла она…

Да как зачарованная и шла, медленно переставляя ноги. Явно сопротивлялась мороку, обычно люди побыстрей движутся, некоторые и вовсе бегут радостно. Этих спасать — себе дороже.

Ричард скользнул в тень.

Он ступал по следу дамочки, рваная аура — и вправду изодрала в клочья, странно, что вообще живая она — заслоняла его. И получалось прятаться. Не столько из-за умения Ричарда, сколько из-за того, что тварь была голодна, а манящая близость жертвы заставила ее потерять осторожность.

Она едва не пританцовывала на своем камне.

И Ричард оценил.

Что обличье, почти полностью человеческое — а эту маску удерживать непросто. Что камень огромный, что корни, от него в землю уходящие. И тонкую пуповину, которая связывала каюшу с ее желудком. Тот мелко вздрагивал, пускал волны… Ричард остро ощущал и голод твари.

И страх дамочки.

Ничего, потерпит. В кои-то веки жертва не вызывала у него жалости.

Нет, Ричард поможет, но ему надо подобраться поближе. Каюши не сказать чтобы опасны. Хитры. Изворотливы. Заметит и нырнет под землю, спрячется в желудке своем каменном. И поди попробуй выковыряй.

Выковыривать придется, конечно.

И валун разбивать на мелкие части. И застрянет Ричард на этом треклятом поле на сутки, а то и на двое… уж лучше так.

Дамочка плакала. Слезы катились из глаз, крупные такие, отборные слезы… Ричарду даже стало совестно. Ненадолго. Он пообещал себе извиниться. Потом. А сейчас у него другие дела имелись.

Он сложил пальцы, создавая контур простенького атакующего заклинания.

Ближе.

И еще на шаг.

И на два… наполнять контур силой приходилось осторожно. Малейший всплеск насторожит каюшу. А та уже едва ль не скулила, изнемогая от голода. Руку протянула.

И дамочка ей.

Дружеское рукопожатие, конечно… темные когти сжали белое запястье лайры. Каюша раскрыла рот, полный острых треугольных зубов.

В него-то Ричард и ударил.

Попал.

Он привычно закрыл глаза за мгновенье до того, как голова каюши разлетелась в клочья. Хлопнуло. Громыхнуло. И плеснуло в лицо горячей жижей, что, в общем-то, тоже было привычно, но неприятно. Он отер ошметки нежити рукавом и развернул дамочку, которая до сих пор пребывала в ступоре.

Затуманенный взгляд.

Приоткрытый рот.

Она, конечно, хорошенькая — некрасивых лайр не бывает, но сейчас выглядела на редкость жалко. И пощечину Ричард отвесил от всей души. За глупость.

И чтобы очнулась.

Она и очнулась. Но ровным счетом для того, чтобы упасть в обморок. Прелесть какая…

Очертив на земле круг, Ричард бросил в него склянку с огненным зельем. Оно, конечно, убить каюшу он убил, но огонь лишним не будет.

Полыхнуло до небес.

Потом пламя привычно осело, и цвет постепенно изменился с темно-зеленого, активного, на белый. К утру и вовсе алым станет, горячим, но не смертельным. Надо будет ребятам сказать, пусть мясо из хладокамеры достанут. Жареное на углях мясо Ричард очень даже жаловал, во многом еще потому, что испортить это нехитрое блюдо не удавалось даже ему.

Дамочка пришла в себя еще на поле.

— Ч-что эт-то б-было? — поинтересовалась она, слегка заикаясь, то ли со страху, то ли говорить на плече лежа было неудобно.

— Каюша.

— Она х-хотела м-меня сожрать?

— Нет, с днем рождения поздравить собиралась.

— У… у м-меня д-день рожденья осенью…

Надо же, а Ричард ожидал слез и упреков. А у нее день рождения осенью. И, усмехнувшись, он ответил:

— А она заранее…

Дамочка замолчала. Задумалась.

Оливия.

Подходящее имя для лайры. Почти Орисс… может, поэтому? Так и не простил… и верить не научился… и поневоле ждал подвоха от женщин, даже если не лайр… матушка все не теряла надежды Ричарда женить. И когда случалось ему появляться в родном тихом городке, она устраивала званые ужины. В том смысле, что звались на них все более или менее подходящие особы в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет. На этих ужинах Ричард чувствовал себя грызлом, загнанным в ловушку.

— Вы н-не м-могли бы м-меня п-поставить? — шепотом попросила дамочка.

Оливия.

Ее зовут Оливия, можно — Ливи… не то чтобы Ричарду так уж важно ее имя, но все-таки с именем удобней.

— Зачем?

— Извините… н-не сочтите за придирку… или жалобу, но… у вас н-на редкость неудобное плечо.

— Да?

— Острое, — вздохнула Оливия. — Я уж лучше сама…

— А вы…

— В обморок обещаю больше не падать, но… меня, кажется, сейчас стошнит.

Веский аргумент, однако.

И Ричард решительно стряхнул дамочку в придорожные кусты. Следовало сказать, что она не упала, как втайне Ричард ожидал, но вывернулась с воистину кошачьей ловкостью.

А вот стошнить ее стошнило.

В те же многострадальные кусты.

Глава 7
Леди и подслушанные разговоры

Я лежала, свернувшись калачиком, и старательно притворялась спящей. Получалось из рук вон плохо, притворяться я никогда не умела, но ширма, заслонившая мою постель от гостиной, с успехом компенсировала недостаток актерского мастерства.

Постель была… мягкой.

Лоскутное одеяло, пожертвованное Тихоном, теплым и уютным.

Да и вообще… мое возвращение в октоколесер — нет, надо подсказать другое наименование этой махины, пока я язык не вывернула — сложно было назвать триумфальным.

Зареванная.

Заляпанная от макушки до пят смрадной черной жижей, с прилипшими к этой самой жиже листьями и паутиной, я мало отличалась от чудовища.

Некромант, чья любезность иссякла, не соизволил руки подать. Напротив, отвесив весьма издевательский поклон, он произнес:

— Прошу прощения, благородная лайра, но кровь нежити отвратительно отстирывается. А одежды у меня не так много, чтобы ею рисковать.

Одежды ему жаль, значит.

А меня, пытающуюся забраться по скользкой лестнице, не жаль. И что мне оставалось делать? Гордо подхватить драный подол — у меня, между прочим, одежды вообще нет — и кое-как, вряд ли с подобающим благородной лайре изяществом взобраться в вагончик.

— Принимай свою красавицу, — гаркнул Ричард. И над самым ухом, паскудина этакая, я даже присела от неожиданности. — Только отмой. А то смердит.

Меня едва не сожрали, а ему смердит…

Себя бы понюхал, куст розовый.

Но я промолчала, решительно наступив себе на горло, а точнее, на язык. Все же Ричард пусть и не джентльмен ни разу, а жизнь мне спас.

Грен разохался.

Тихон поскреб длинное ухо, что, как я поняла, свидетельствовало о некоторой растерянности, и предложил принять ванну. Естественно, я не возражала.

Ванна.

Горячая вода. Ароматизированная соль из личных запасов Грена. Бутыль с вязким зеленоватым шампунем, которую сунул мне Ричард, буркнув, что от нежити всякого нахвататься можно. И пахло из бутыли подозрительно знакомо, как от противоблошиного средства, которое покупала бабушка для нашего кота.

Ладно.

Тихон принес полотенца…

И ширмы поставил, закрепив железными крючками.

Он же поднес и чая с ромом. Или скорее рома с чаем? Я даже не уверена относительно рома, но пахло от кружки спиртом, да и вкус был соответствующим. Но выпила я это успокоительное до дна. В конце концов, сегодня можно.

Ванна расслабила.

За длинную рубаху из тончайшего полотна, правда, измаранного сажей и маслом — пятна трудновыводимые и в моем мире, — я была искренне благодарна, как и за постель, в которую меня уложили бережно, пожелав напоследок хороших снов.

Ага… после всего-то…

Но я послушно закрыла глаза.

Свет не погас, скорее уж стал мягким, приглушенным. Да и обитатели вагончика никуда не делись.

— Зачем ты это сделал? — тихо спросил Грен. Почти шепотом. Но в исполнении подгорца шепот звучал весьма внушительно. Я поспешно натянула на ухо одеяло и старательно засопела.

— Что именно? Уничтожил каюшу? Это мой долг перед обществом.

Надо же, какой общественно обязанный отыскался.

— Нет. Зачем ты позволил этой твари добраться до Оливии?

Вот, и мне тоже интересно!

— Ну… если я скажу, что успел в последний момент, поверишь?

— Ахал бы дядя, на себя глядя. Ты вышел сразу за ней.

Интересно.

То есть я предавалась рыданиям по невинно оборванной жизни, прошлой жизни, а он стоял в стороночке и наблюдал? Утешать и не пытался? Впрочем, что еще ждать от этого… хама?

— Ладно… тогда пока каюша пыталась добраться до вашей красавицы, я добрался до каюши.

— Ричард!

Мне тоже захотелось заорать. Нецензурно. Но душевно. Значит, я там, на поле, медленно брела к гибели, сопротивляясь изо всех сил, которых, к слову, у меня не так и много, преисполняясь уверенности, что каждый шаг приближает меня к смерти. Мучительной, между прочим. Так вот, пока я там страдала, эта скотина рядом была?

И просто ждала момента?

Использовала меня в качестве наживки?

Остатки благодарности к поганцу таяли, как фруктовый лед на солнцепеке.

— Что? — лениво осведомился некромант. — Ты сам знаешь, как сложно добраться до такой твари. А она, между прочим, матерая. Лет двести, минимум…

— Не сочти за упрек, друг мой, но в твоих силах было поставить метку. Утром мы занялись бы каюшей, — это уже Тихон вступил в беседу. Голос у него… в один голос влюбиться можно.

Но не нужно.

Любовь, как я убедилась на собственной шкуре, до добра не доводит. А потому альвином будем восторгаться издали. Скажем, как произведением искусства.

— И потратили бы дня два? А то и три? — Ричард определенно не чувствовал себя виноватым. — Я вообще не понимаю, зачем нам эта… лайрочка.

Похоже, выразиться он собирался иначе, однако в последний момент то ли остатки воспитания сработали, то ли здравый смысл.

— Была бы шуба, а вши заведутся, — меланхолично произнес Грен.

Что?

— Что? — переспросил Ричард.

— Есть вкусно. Жить чисто. Мало?

— Если бы дело было в еде и чистоте, ты бы уже давно кого-нибудь нанял. — Ричард определенно что-то жевал. И догадываюсь, что отнюдь не ветчину. Пироги мои оценил?

Пусть поперек глотки станут.

— Тихон сказал, она нужна.

Интересненько…

— Кому? — осведомился Ричард. И я мысленно присоединилась к вопросу. Нет, ребята, безусловно, милые, но… вот как-то неспокойно стало.

— Нам, — ответил альвин.

— И зачем?

— Пока совершенно не представляю себе.

Очаровательно. Я нужна, но зачем — он не знает. И как это понимать? Похоже, данный вопрос занимал не меня одну, поскольку воцарилось молчание. Правда, длилось оно недолго.

— Ты видел? — это Грен. И голос такой… возвышенный, вдохновленный даже.

Это что же альвин видел?

— Не совсем. Но в миг, когда она передо мной возникла, я осознал, что она нам нужна. И размышляя здраво, если бы она не была нужна, то здесь бы не появилась.

Логично. Хотя и логика довольно извра- щенная.

Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно… как-то так, что ли? И я, закрыв глаза, прислушалась, пытаясь обнаружить в себе признаки избранности. Признаки не обнаруживались. Зато ссадины на ногах зудели.

И вообще ощущение было… мерзковатым.

Слегка мутило.

И в памяти то и дело вставало то лицо Макса, то твари…

— Сил у нее нет, — заметил Ричард.

— Когда успел?

— На поле… она сопротивлялась зову. Вот и проверил… нет, кое-что имеется, но так, капля…

Ничего. В моем положении я и капле рада, понять бы, что с этой каплей делать.

— …но раз ты говоришь…

И опять молчание.

То есть слов Тихона о том, что я когда-нибудь понадоблюсь, оказалось достаточно?

— А пироги неплохие. — Ричард сыто срыгнул. А Грен заметил:

— Вечно драться и когти притупятся.

Ормс — городишко небольшой, захолустный до того, что и на городишко-то не походил. Так, деревенька за каменною стеной. У стены этой паслись козы, за которыми приглядывал чумазый паренек. Городские ворота были дружелюбно распахнуты, и, судя по тому, как провисли створки, они и на ночь не запирались.

Удивительная беспечность.

Ричард только головой покачал.

Он забрался на крышу махины, откуда, во-первых, открывался чудесный вид на окрестности, в том числе на выжженное пятно посреди поля, во-вторых, дышалось легче. А в-третьих, лучше уж козами местными любоваться, чем лайрочкой.

Пригодится.

Зачем? Кому? Спрашивать было бесполезно. Если бы Тихон и вправду что-то видел, он бы сказал, а нет, то и… может, подвела его родовая способность? Или истолковал неверно?

Может, лайрочка нужна была, чтобы каюшу поймать?

И если так, то ныне всякая надобность в ее присутствии отпала?

Махина медленно и осторожно ползла по дороге. Урчал мотор, сквозило магией… левый поток будет, пожалуй, шире правого. Надо будет Тихону сказать, пусть отрегулирует. В Ормсе они все одно на пару деньков задержатся…

Козы разбежались с оглушительным блеянием. А пастушок замер, вылупившись на этакое диво. А ведь диво в ворота не пройдет. Старые они. Под телеги делались, октоколесер пошире будет. И повыше.

И, кажется, до Тихона это тоже дошло.

Махина вздрогнула.

Взрыкнула.

И замедлила ход. В какой-то момент Ричарду даже показалось, что остановиться она не успеет, снесет и ворота, и воронью будку стражи, но нет, опустилась носовая решетка, впились в землю тормозные шипы. Он сам вцепился в рукоять, чтобы не скатиться под колеса.

Пыхнуло паром.

Приехали.

Ричард, не дожидаясь, пока стихнет утробный рокот мотора, скатился на землю.

— Эй, любезные, — окликнул он оцепеневших стражей, на лицах которых читался простой, приправленный изрядной долей нецензурных слов восторг. — Где у вас тут машину поставить можно?

— Чегось?

— Машину, — Ричард указал на октоколесер. — Где поставить можно? Или пусть здесь остается?

Эта мысль стражникам категорически не понравилась. Она заставила их нахмуриться и крепче стиснуть слегка заржавевшие алебарды. По лицам их читалось острое желание этою алебардой ткнуть в наглеца.

Ишь, приперся.

Честный люд пугает.

— Не спешите. — Золотая звезда некроманта охладила пыл. — Поле подойдет какое, главное, чтобы въезд был. И выезд…

С некромантами связываться было себе дороже.

И стража задумалась.

С одной стороны, махина их раздражала. С другой, нарушить Ричард ничего не нарушил. С третьей, мага злить — это совсем ума иметь не надо, тем паче некроманта, особыми полномочиями наделенного… с четвертой, и вправду не оставишь же этакое диво у ворот, ворота иным честным людям надобны.

— А туда езжайте, — наконец решился старший, махнув рукою влево. — Там поля есть. Скот на ярмарку пригоняют. И вам местечко сыщется.

Скот, значит… Тихон вряд ли обрадуется, с другой стороны, в городе они точно застрянут. А это совсем уж не радостно. Проще каюшу из камня выколупать, чем октоколесер из узкой местной улочки.

И Ричард, помахав рукой — Тихон не собирался покидать будку управления, указал

влево, где от мощеной дороги отходила широкая вытоптанная полоса.

Октоколесер заурчал. А Ричард, подтянув штаны — опять сползают, все же одними пирогами жирка не наешь, шагнул к воротам. У него свои дела имеются.

— Господине, — один из стражников, совсем еще мальчишка, осмелился заступить дорогу. — А вы взаправду…

— Взаправду он, — одернул напарника второй, годами постарше, видом — посерьезней. — Господине некромант, а вы так приехали аль к градоправителю?

— Зачем мне к градоправителю?

— Ну так это… того… — Стражники переглянулись. — Вывертень у нас завелся.

— Что?

Вот только этой пакости не хватало.

— Вывертень, — сказал старший и шлем снял. Шлем был старым, тесноватым и жарким, в такой-то день. Редкие волосенки стража слиплись от пота, а лицо покраснело. Этак и удар хватит. — Уж пятерых тогось… и такая паскудина хитрая!

Младший только кивал.

Выходило… а хреново выходило. Очень хреново. Вывертень — тварь и вправду опасная.

Быстрая.

Хищная.

И разумная. А еще магически одаренная, чтоб его к Старым Богам.

Но редкая. Последний раз появление вывертня — именно вывертня, а не мелкой нечисти, которую за него принимали, — зафиксировано лет этак полсотни тому.

— Градоправитель в столицу нарочного посламши был… ждали вот, но чтоб так быстро… — Стражник глядел на Ричарда с восторгом, от которого становилось не по себе.

А к градоправителю идти придется. Кладбище кладбищем, а вывертень — Ричард все же надеялся, что произошла обычная ошибка, — дело серьезное. Сам он не остановится, но, наоборот, с каждой новой жертвой будет набираться наглости и, что хуже, сил.

— Где у вас тут… градоправитель? — со вздохом поинтересовался Ричард.

И был послан в нужном направлении.

Да, Ормс был захолустьем.

Тихим.

Мирным.

Узкие старые улочки, мощенные красным камнем. Узкие же домишки о редких окнах — памятью старому налогу на эти самые окна. Узкие балконы, соединившие вторые этажи. И сероватое белье, которое с этих балконов свисало. Плоские крыши. Кованые флюгера.

Голуби.

Собаки. Мальчишки, что, собравшись у старого фонтана, играли в ножички.

Площадь, одновременно и городская, и рыночная. Древний постамент, правда, памятника лишенный, но облюбованный выводком хорьков, которые на царящую внизу суету взирали с некоторым удивлением.

Ричард отмахнулся от лоточника, пытавшегося всучить «самые надежные амулеты». Переступил через коврик гадалки, стряхнул липкое проклятье, посланное в спину. Перехватил ловкие пальцы у кошеля.

— Не стоит, — сказал он мальчишке, который уже изготовился было заорать. — Прокляну.

И вытащил цепь со звездой.

Стало не то чтобы тихо, но число желающих свести близкое знакомство с чужаком поубавилось. Люди расступались. Провожали Ричарда взглядами, когда настороженными, когда исполненными самого живого любопытства. И уловил он ше- поток.

— …и вправду некромант?

— А то, по харе, что ль, не видно? У некромантов хари-то наглые…

— …хиленький какой…

— …ага, вывертню на один зуб…

Ричард смахнул с плеча еще одно проклятье, слабенькое, несформированное. Вот же… благодарная общественность.

— Ничего, этого сожрут, глядишь — кого другого отправют…

…пожирней, чтоб на два зуба хватило.

Хотя зубов как таковых у вывертней нет. У них тонкий хоботок, покрытый прочными костяными чешуями…

Особняк градоправителя походил на неудавшийся матушкин торт. Кремово-белый, украшенный многочисленными завитушками, но при этом какой-то разваливающийся, что ли? Дюжина пузатых колонн с трудом удерживала массивный портик с гербом Старой Империи. Ступени были щербаты. Окна — темны, затянуты коваными решетками, которые вроде бы и чистили, но без особого усердия.

У парадных дверей дремала пара стражников, которые при виде Ричарда оживились было — не так, похоже, часто заглядывал простой народ к градоправителю, но стоило показать звезду, и стража сникла.

— У себя?

— А то ж… — Стражник почесал шею. — Снедають ишшо…

— Снедають — это хорошо.

В желудке заурчало, напоминая, что и от завтрака Ричард отказался из чистого, к слову, упрямства.

Внутри пахло сыростью, бумагами и скандалом.

— Сволочь! — визгливый женский голос донесся откуда-то сверху. — Скотина!

— Милия!

Мужской был низок и преисполнен раскаяния.

— Я на тебя потратила лучшие годы жизни!

Ричард с сочувствием подумал, что бедного мужика ждут худшие…

— Я подарила тебе…

Что именно там подарили, Ричард не узнал, потому как слова заглушил звон бьющегося стекла.

— Милия! Это мамин фарфор!

— Да твоя мама…

— Госпожа не в духе, — печально заметил старый слуга.

Камзол с поблекшей позолотой и заплатами на рукавах. Высокий парик, щедро посыпанный пудрой. И поднос для визитных карточек, который сунули Ричарду под нос. И доверительно так добавили:

— Вам стоит выбрать другое время для визита. Когда госпожа изволит пребывать не в духе, то и господин впадает в расстройство. А в расстройстве он не склонен решать дела…

Понятно.

И весь город подстраивается под настроение госпожи градоправительницы.

— Ничего. — Ричард обошел и слугу, и поднос. — Я как-нибудь переживу.

Останавливать его не стали, лишь проводили печальным вздохом.

— …как ты посмел! Предать мое доверие…

— Милия, тебе показалось!

— Ты тискал эту потаскуху на глазах у всех, а мне показалось? — голос дамочки ввинчивался в череп. И Ричард в очередной раз мысленно поздравил себя с единственно верным решением избегать брачных уз.

— Мы лишь танцевали, Милия…

— Танцевали?! Это не танец, это срам…

— Это модно!

— Модный срам?! Тарис, ты… ты выставил себя на потеху! Боги милосердные… да весь город только теперь и говорит…

— Милия, все ведь танцевали…

— Но не уткнувшись носом в чужие сиськи…

— Я не виноват, что лайра Фицжеральд столь… высока…

— И сисяста!

— В этом я тоже не виноват.

Ричард остановился.

На втором этаже было не менее неуютно, чем на первом. Узкий коридор. Сумрак. И огромные портреты в тяжелых рамах. Благородные лойры. И не менее благородные лайры, чья изысканная красота несла в себе отпечаток старой крови.

Интересно…

— Боги видят, я была терпелива, Тарис. Я старалась не замечать взглядов, которые ты бросал на других женщин. Я не верила сплетням…

— Милия…

Ричард двинулся на голоса.

Идти пришлось недалеко. Дверь была не просто приоткрыта, но распахнута настежь.

— …я убеждала себя, что они завидуют. Злословят.

— Так и есть!

Комната.

Не сказать чтобы большая, но и не маленькая. Потолок в тех же завитушках, которые от времени пожелтели. Жерло камина, по летнему времени забитого сухими цветами. Каминная решетка.

Ковер.

Стены, обитые полосатой тканью. И, судя по разводам, обиты они были давно.

— Я ведь любила тебя! И ради этой любви пошла против отцовской воли…

Стол.

Стулья. На одном восседает дама неясного возраста, но внушительной стати. Она то ли бледна, то ли напудрена сверх меры. И бледность эту подчеркивают что рыжие волосы, уложенные в прическу-башню, что темно-зеленое атласное платье.

Поза дамы страдающая. Одна рука отставлена. Другая — прижата к высокому челу. К отставленной ручке припал мужчина. Невысокий. Пухлый.

— …я снизошла…

— Милия…

Круглощек. Лысоват. Но лысину стыдливо прячет под реденькими волосами. В хвост их

собрал по столичной моде десятилетней давности. Бант нацепил. Смешно смотреть. И сам он, раззолоченный, что кубок драгоценный, смешон.

— Кем ты был? — в руке благородной лайры развернулось крыло веера. — Всего-навсего купцом! Им бы и остался, если бы не мой батюшка… а ты, неблагодарный…

— Я благодарный! — взвился градоправитель, к ручке припадая с поцелуем. — Милия, я тебе не изменял! Я бы… я бы никогда…

— …он тебя в люди вывел!

Ричард постучал в дверь.

— Доброго дня, уважаемые…

Захлопнулся веер.

Приподнялись рыжие брови, а на лице бледном появилось выражение брезгливости и, пожалуй, легкого недоумения. Мол, как получилось, что ее, благородную лайру, прервали.

И кто?

Ричард прекрасно отдавал себе отчет, что выглядит, мягко говоря, непрезентабельно. Одежда простая, пусть и из подгорного хлопка шитая. Такая и холод, и жар, и слюну грызла выдержит, а запачкается в крови ли, в слизи, то отстирается легко. А что запылилась слегка, так он не ви- новат.

Дороги такие.

Сапоги разношены.

На шее амулеты гроздями, да не стандартные, золотые, как в высшем обществе принято. Нет, недаром Ричард и шаманизм учил, и рунопись… пригодилось. Если же выглядят его амулеты не слишком привлекательно, так это, как Грен утверждает, вопрос вкуса.

Ричарду вот птичьи перья да молочные зубы криксы куда больше нравятся, чем янтарь на платине.

И дешевле, если разобраться.

— Надеюсь, не помешал? — Ричард достал платок и кое-как оттер характерное белое пятно на рукаве.

Был тут вывертень или нет, но голубей в Ормсе водилось множество.

— Вы кто такой? — тонкий визгливый голос Милии заставил Ричарда поморщиться. — Тарис, кто это такой? Отвечай немедленно!

И веером хлопнула по лысой макушке.

Вот дура.

Тарис стерпел. Кряхтя и вздыхая, он поднялся с колен, кое-как одернул перекосившийся камзол, фалды которого свисали ниже колен, по той же, надо полагать, моде. И извлек из кошелечка лорнет на массивной ручке.

Он оказался немолод.

И непозволительно смешон. Круглое личико. Светлые бровки. Нос массивный хрящеватый. Реденькие бачки, побитые сединой.

…и если имелась в его жилах благородная кровь, то весьма и весьма разбавленная. Впрочем, эту догадку Ричард оставил при себе.

— Вы кто такой будете? — поинтересовался градоправитель отчаянно строгим голосом. Отчаяния в нем было куда больше стро- гости.

— Некромант. — Ричард предъявил звезду.

И Милия поджала губы.

Да уж. Некроманта из дому так просто не выставишь…

— Н-некромант? — слегка заикаясь, переспросил градоправитель.

И покраснел, как девка, банные дни перепутавшая.

— Некромант, — подтвердил Ричард. — У вас тут, говорят, вывертень завелся.

— Где?

— В городе.

— Тарис! — теперь в голосе лайры Милии отчетливо слышались нервические ноты. — У нас в городе вывертень?! И ты молчал?

— Я…

— Боги милосердные! — Милия закатила очи. — За что вы послали мне такое наказание?

Белый кружевной платок смахнул пот с лысоватого чела.

— Мы можем поговорить в каком-нибудь… более подходящем для беседы месте? — Ричард поднял массивный осколок вазы, надо полагать дорогой и древней.

Может быть, ценной.

Но когда это останавливало истерящих женщин?

— Поговорить? С ним? — Милия поднялась и оказалась выше мужа на полторы головы.

Если соперница-баронесса примерно того же роста, то обвинения в позорном бюстоглядстве не лишены оснований. Выше выреза многоуважаемый Тарис Олейн просто физически не способен был заглянуть.

— Да что он вам скажет? Что он вообще знает?!

— Милия…

— Он же ничтожество!

— Милия!

— Нет, дорогой, я хочу, чтобы этот милый юноша, — при этих словах Ричарда одарили воистину очаровательной улыбкой, он даже содрогнулся, — знал правду. А правда в том, что мой супруг — совершенно бесполезное создание, только и способное, что на гулящих девок заглядываться…

Щеки градоправителя залились багрянцем. А благородная лайра, ущипнув супруга за круглую щечку, изволила удалиться. К немалому облегчению обоих мужчин.

— Вы… — Градоправитель испустил тяжкий вздох. — Вы не обращайте внимания… Милия — она милая… на самом деле очень добрая…

…как голодная грызла, не иначе.

— Но ревнива… вспыхивает по малейшему пустяку. Потом успокаивается. Ей самой неудобно будет, да… вы придете на ужин?

— Зачем?

Ричард протянул осколок, который многоуважаемый Тарис положил на стол. И опустившись на корточки, принялся собирать остальные, белые, похоже, и вправду фарфоровые.

— Она лайра… а я и вправду сын купца… в третьем колене… батюшка очень успешный был, а я Милию как увидел, влюбился… жить без нее не мог.

Или без ее связей?

Вряд ли потомственному купцу грозило стать градоправителем. Но почему отец Милии не возразил? Или… дело в деньгах? Титул титулом, кровь кровью, а золото золотом? Впрочем, какое Ричарду дело?

— Ей здесь скучно… — градоправитель ссыпал горсточку осколков на блюдо. — Вот и

выплескивает… приходите вечером на ужин? Расскажете что-нибудь… этакое…

Ага, теперь понятно.

К вечеру дражайшая супруга остынет настолько, что, глядишь, и не станет при посторонних скандал затевать. Что ж, почему бы и нет?

— Я буду не один.

— Это просто замечательно! — Тарис застенчиво улыбнулся. — Милия обожает общество новых интересных людей…

Про нелюдей Ричард уточнять не стал.

К утру я не то чтобы пришла в себя… нет, я искренне надеялась, что утром все вернется на круги своя. И потому, проснувшись, долго лежала в постели, не решаясь открыть глаза.

Сон ведь.

Влад сбежал? Нет, Влад сейчас ванную занял. Стоит под душем, напевает фальшивым голосом арию герцога из «Травиаты». Потом зубы чистить будет, забрызгает пастой и зеркало, и умывальник, и я получу законный повод проявить недовольство.

Нет, я не буду недовольна на самом деле, это игра такая, одна из множества маленьких супружеских игр, которые появляются у каждой пары за годы совместного бытия.

А остальное — это сон.

Мир иной.

Октоколесер… что-то не то я накануне посмотрела, вот и…

Где-то рядом протяжно, обреченно даже замычала корова. И я открыла глаза. Увы. Ни лепнины, которой Влад столь гордился, будто бы сам лепил этих ангелочков с цветами вкупе, ни лиловых легких штор из органзы, ни окна в пол… помню, его установку пришлось долго согласовывать, но если мой супруг чего-то хотел…

Увы, окно, как и он сам, остались дома.

Над моей головой покачивался полосатый чулок. Шелковый. С парой дырок на не слишком-то чистой ступне. Перед носом виднелась серебристая гладкая стена, на которой кто-то красным лаком вывел многозначительное «Дик — ско- тина».

Припомнив события предыдущего дня, я мысленно согласилась с сим постулатом.

И вправду скотина.

Нежити едва не скормил.

Но как бы там ни было, день вчерашний остался в прошлом, а что готовил грядущий?

…поле, не русское, но обыкновенное такое, немалого размаху. Темная земля, утоптанная в камень. Редкая травка. Загоны для скота. Парочка волов, меланхолично жующих сено. И дюжина чумазых ребятишек неопределенного полу. Они, в отличие от скотины, на октоколесер взирали с благоговейным вниманием, но подойти ближе не реша- лись.

Оно и к лучшему.

— В городе мы застрянем. — Грен вертел круглую шляпу с высокой тульей, украшенной алыми и зелеными лентами. — Дорогая Ливи, могу ли я просить тебя о помощи?

Я кивнула.

Город.

Маленький такой средневековый город. Ладно, может, для средневековья и не маленький. Или не совсем средневековый.

— Чудесно…

Красная стена, сложенная из неровных булыжников, метра три в высоту. Бойницы.

Пузатые башенки с короной зубцов. Городской вал. Ров. И широкая, но изрядно запыленная дорога, по которой нам предстояло дойти до городских ворот. Ни такси, ни кареты поблизости не наблюдалось. И натруженные накануне ноги противно заныли. А внутренний голос робко поинтересовался, вправду ли я стремлюсь на экскурсию?

Я не стремилась.

Во-первых, ноги действительно болели, а выданные Греном туфли были чересчур велики, пусть тот же Грен и набил длинные носы их ветошью. Во-вторых, туфли были не единственной бедой.

Платье.

Увы, пришло оно в полную негодность. А другой одежды у меня не было. Пожертвованная Тихоном альвинская хламида — национальное одеяние, между прочим, — из тончайшего полотна цвета давленой вишни, конечно, прикрывала мою наготу, но… и для моего мира подобное одеяние было бы эксцентричным, а уж здесь…

В-третьих, мне было страшно.

И любопытно, конечно, но…

— Возьми. — Грен протянул изящную сумочку, расшитую бисером. — Ты, главное, лицо держи…

— Какое?

— Вот такое, — он выпучил глаза и поджал губы. — Лайры…

И тихо добавил:

— К лайре вязаться не станут…

Интересно. Но сумку я взяла, правда, с некоторой опаской. Заглянула внутрь — Грен препятствовать не стал. Пусто… почти пусто. Пара шелковых платков. Расческа, родная сестра той, которую он мне же подарил. Ленты. Заколки. И полдюжины крохотных флаконов.

Пара стражников и не пыталась нас остановить, проводила ошалевшими взглядами. Ну да, полагаю, еще та живописная компания. Ряженный в шелка подгорец. Девица в наряде не то изысканном сверх меры, не то странном. И высоченный альвин в серой кожанке и летном шлеме. В шлеме имелось отверстие для косы, которую Тихон не то украсил, не то утяжелил десятком гаек. В сочетании с курткой, на голое тело наброшенной, получилось весьма… специ- фично.

Образ довершали круглые летные очки.

На нас оборачивались?

О да! Нас провожали такими взглядами, что становилось неуютно. Иные и пальцами тыкали. Качали головами. И больше всего мне хотелось провалиться под мостовую.

Но, как и было велено, я держала голову.

Леди должна уметь держать лицо.

А город… к моему удивлению, он не сильно отличался от маленьких провинциальных городков моего мира. Да, здесь не было многоэтажных громадин, как не было автомобилей, автобусов и сотворенных из стекла и металла супермаркетов, но в остальном…

Узкие улочки.

Дома, стоящие столь тесно друг к другу, что казалось, будто они — одно огромное, бесконечное строение. Перемычки балконов. Постельное белье, проходя под которым приходилось нагибаться. Кадки с геранью. Кошки и голуби.

Вел Гренморт.

Тихон был молчалив и задумчив. Я… я шла и старалась не слишком вертеть головой по

сторонам. Вот толстая неопрятного вида дамочка устроилась стирать прямо на улице. Выволокла бадью, водрузила на табурет и мучит, трет сероватую простынь, успевая переругиваться с со- седкой.

Вот пьяноватый мужичок колотит в дверь, требуя впустить его…

…дети кидают в окно камушки, а когда из окна выглядывает хозяйка — страшного вида старуха, — с визгом разбегаются. Дремлет на солнцепеке собака. И благообразного вида старец взирает на город с высоты балкона, время от времени стряхивая на головы прохожих пепел длинной папироски.

— А… — Я дернула Грена за рукав. — А все города такие?

В этом месте жизнь текла неторопливо. И была размеренной, предопределенной. Здесь каждый знал о соседях все и даже больше, а чего не знал — о том догадывался.

— Какие? — Грен огляделся. — А, нет, Ормс — захолустье… но Дику сюда надобно. Дела.

А про то, какие именно, распространяться не стал.

Надеюсь, он не собирается принести меня в жертву на местном погосте. Во-первых, я давно уже не девственница, а для темных дел, если не изменяет память, нужны исключительно девственницы. Во-вторых, сопротивляться стану.

— А мы?

— А мы прогуляемся по рынку… тебе одежки прикупить надобно…

С этим я не стала спорить, но лишь заметила:

— Денег нет.

Но есть украшения, которые я благоразумно прихватила с собой. Все же альвинийские шелка, может, и бесконечно изящны, но чувствую я себя в них голой.

— Не бери в голову, — Грен отмахнулся. — Тихон…

— Здесь неспокойно. — Тихон остановился и повел головой. — Ревность. Кровь. Смерть.

И разрушения.

Очаровательно. Но Грен к этой тираде отнесся с величайшим вниманием.

— Ты видел?

Альвин нахмурился и за ухо себя дернул. Этак он без ушей остаться рискует…

— Здесь неспокойно…

— Да понял я, понял.

— Ливи…

— Глаз с нее не спущу. — Грен дернул меня за руку. — Но ты же понимаешь, девочка не может ходить вот так… благородная лайра…

Он говорил что-то про лайр, про моду провинциальную и стереотипы, в которые альвинийские шелка никак не укладывались, про рынок, продукты и необходимые вещи… и, не смолкая ни на мгновенье, упорно тянул меня за собой.

Улочка.

И еще одна.

Похожи друг на друга, что сестрицы-близнецы. Даже белье одинаковое — полотнища простынь, белые паруса рубах и длинные чулки, прихваченные деревянными прищепками.

Но вот очередная улочка вывернулась и вывела нас на рыночную площадь.

— Вот, — Грен распростер руку, — там мы найдем все, что нужно.

Купить полную версию книги